

АННА
БЕРСЕНЕВА

РЕЙНСКОЕ

ЗОЛОТООЕ

АННА БЕРСЕНЕВА

РЕЙНСКОЕ
ЗОЛОТОЕ

Роман

Издательство «Litsvet»
2023

АННОТАЦИЯ

к роману Анны Берсеновой «Рейнское золотое»

«Чтобы возвести особенно мощную цитадель зла, дьяволу не хватает худшего, что есть в людях. Поэтому он берет лучшее, что в них есть, и обращает во зло», - говорит во время Второй мировой войны немецкая монахиня. В справедливости этих слов Ада убеждается в военной Москве 2022 года. Зло не только одолело многих ее друзей, но и выжгло душу любимого человека... О том, как это происходит, Ада знает от своих близких, которые в XX веке видели и торжество зла, и силу добра в Москве, во Владивостоке, в Германии на рейнском острове, в Минске, в белорусском Полесье, в Англии. По всем этим местам проходят современная и историческая линии первого романа, написанного российским автором о войне 2022 года.

Читайте в цикле Анны Берсеновой «Совпадения» следующие книги:

«Сети Вероники»

«Песчаная роза»

«Рейнское золотое»

Анна Берсенева (Татьяна Александровна Сотникова).
Рейнское золотое. Роман.

Заведующий редакцией *М. Спивак*
Художественный редактор *А. Кондратьева*
Компьютерная верстка *А. Кондратьева*
Дизайн обложки *В. Бочков*

ISBN 978-1-998265-19-0

Издательство «Litsvet» (Торонто). 2023 г.

<http://litsvet.com>
litsvetcanada@gmail.com

Copyright © 2023 Tatiana Sotnikova
Design & Layout © 2023 Anastasiya Kondratyeva
Cover design © 2023 Valery Bochkov
Published by «Litsvet», 2023

All rights reserved. No part of this book may be reproduced in any form or by any electronic or mechanical means, including information storage and retrieval systems, without written permission from the author. Published in Canada.

Содержание

Часть I

Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	58
Глава 6	73
Глава 7	89
Глава 8	103
Глава 9	114
Глава 10	132
Глава 11	155
Глава 12	176
Глава 13	187
Глава 14	212
Глава 15	218

Часть II

Глава 1	229
Глава 2	238
Глава 3	256
Глава 4	280
Глава 5	315
Глава 6	352
Глава 7	364
Глава 8	377
Глава 9	395
Глава 10	418
Глава 11	441
Глава 12	477
Глава 13	491
Глава 14	507

Часть III

Глава 1	518
Глава 2	531
Глава 3	551
Глава 4	565
Глава 5	579
Глава 6	587
Глава 7	603
Глава 8	611
Глава 9	622
Глава 10	630
Глава 11	646
Глава 12	657
Глава 13	674
Глава 14	706
Глава 15	727
Глава 16	739

Глава 17	757
Глава 18	775
Глава 19	786
Глава 20	819
Глава 21	847
Глава 22	879
Глава 23	908
Глава 24	921
От автора по окончании.....	951

Часть I

Глава 1

— В конце концов, что такое искусство? Что рубль, что пятак — были бы настоящие.

Вот за что она любила Москву! Только здесь такое услышишь, выйдя из здания аэропорта в декабрьскую хмарь. Притом от того услышишь, от кого не ожидаешь.

Впрочем, почему не ожидать такого от Яна? Ни быстрый его ум, ни цепкая память, ни ироничность не претерпели изменений.

— Но я как раз не уверена, что этот рубль настоящий, — пожала плечами Ада.

— Ну так в искусстве и ни в чем нельзя быть уверенным, — усмехнулся он.

— Кому принадлежат эти слова? — поинтересовалась она.

— А сам я, по-твоему, не в состоянии додуматься? Могла бы сделать вид, что приняла их за мои, мне было бы приятно. Ну, Харджиев отцу моему говорил, врать не буду. Постой здесь, я подъеду.

— Мы можем вместе пойти на парковку, — предложила Ада.

— Нет необходимости.

Он всегда делает то, в чем есть необходимость. Просто круг необходимого стал для него теперь гораздо уже, чем был в молодости. Когда Ада впервые это заметила, то вздохнула с облегчением. Ежевечерние посиделки в широком кругу с бесконечным количеством водки ее к тому времени уже утомляли, но она не считала себя вправе указывать мужу, как ему жить.

Это наблюдение — о сужении круга необходимого — она сделала так давно, что сейчас вспомнила о нем лишь мельком. Да оно уже и не имело значения.

Ян остановил машину вплотную к тротуару, чтобы ей не пришлось перебираться через мокрую

снежную кашу, пока он кладет ее чемодан в багажник. Его предупредительность произвела на нее когда-то сильное впечатление. Потом она поняла, что предупредительность по отношению к женщинам свойственна русским мужчинам вообще и либо не означает ничего, либо означает сознание ими своего мужского превосходства. Но, перестав быть для нее приятной, эта предупредительность осталась удобной. Самостоятельно нести свой чемодан она в присутствии Яна не пыталась и теперь, и это было удобно тоже.

В его машине царил такой порядок, какой Аде не снился. Правда, ей и машина такая не снилась, вернее, совсем в ее жизни не требовалась. Но в Москве можно было ездить только на такой, большой и дорогой. Однажды ее вез на маленьком «Хюндае» водитель из галереи, и она не чаяла добраться живой до дому. Все автомобили, как злобные одушевленные создания, словно сговорились прижимать невзрачную машинку к обочине, подрезать ее, обда-

вать веером грязных брызг при обгоне и не пропускать, когда водитель показывал, что ему всего лишь надо повернуть на перекрестке. Когда она рассказала об этом Яну, тот лишь плечами пожал:

— А ты думала, я просто так, ради понтов езжу на «БМВ»?

Это было лет десять назад, с тех пор московские водители стали повежливее, но Ада подозревала, что их вежливость напускная, да и вообще предпочитала общественный транспорт. Она и из Шереметьева добралась бы на аэроэкспрессе, но Ян предложил встретиться, и почему бы нет.

— Как Федя? — спросила Ада, когда он сел за руль.

— Ты же с ним сегодня разговаривала.

— По телефону совсем не то.

— Думаешь, в реале он более откровенен? — хмыкнул Ян.

— Думаю, он более откровенен с тобой.

— Ошибаешься.

— Но ты знаешь о нем больше, чем я.

- Просто мне он более понятен.
- Может быть. Так как он?
- Да нормально он. Ходит в универ. Появилась подруга. Исчезли прыщи.
- Это единственное, что ты можешь обо всем этом сказать?
- Обо всем этом говорить вообще нечего, поверь мне.
- Ты видел его подругу?
- Один раз. Вернулся из командировки, они с Федькой завтракали. На ней была его рубашка, а он выглядел как сытый кот.
- Они так плотно позавтракали? — удивилась Ада.
- У них был такой качественный секс. Судя по засосам у нее на шее и на ногах.
- Но как ты мог ни о чем его не спросить!
- А о чем тут спрашивать? Все и так понятно.
- Что же тебе понятно?
- Что это у него не серьезно.
- А у нее?

— Ее мнение в данном случае не имеет значения.

— Это невозможно слышать!

Каждый раз, приезжая, Ада напоминала себе, что не будет принимать любые слова Яна слишком близко к сердцу. И каждый раз это благое намерение рассыпалось в прах.

— Милая, не заводись.

Он смотрел на дорогу, но ему и не требовалось смотреть на Аду, чтобы заметить ее возмущение.

— Мне это трудно, когда ты говоришь такие чудовищные вещи, — сердито ответила она.

— Ничего чудовищного. Обычная логика. Чтобы партнерам быть вместе, требуется обоюдное намерение. А если один из них — неважно, кто именно, — такого намерения не имеет, то мнение второго уже не релевантно.

Он умел быть убедительным — и логикой, которую демонстрировал сейчас, и обаянием, в котором сейчас не было необходимости, но которое проявлялось само собою даже при том, что сильно поблекло с годами.

— Я привезла тебе трубку, — вздохнула Ада. — Которую ты хотел.

— Вот спасибо! — обрадовался Ян.

— Не за что.

— Очень даже есть за что, — возразил он. — Если бы по каталогу заказал, в Москву сто лет везли бы.

Не сто лет, конечно. Но он нетерпелив, когда речь идет о житейских удовольствиях. Однажды решил приготовить к Рождеству гуся с яблоками и объездил весь Кельн в поисках какой-то особой к нему приправы. Ада пыталась его убедить, что отсутствия этой приправы никто не ощутит, но Ян испытывал такое воодушевление и от процесса поисков, и от предвкушения праздничного ужина, что она свои уговоры прекратила. Он все-таки нашел тогда нужную приправу на устроенной на средневековый манер ярмарке в Зигбурге, а Ада была вознаграждена не только рождественским гусем, но и тем, как доволен был ее муж.

— Магазин для трубок очень интересный, — сказала она. — В одну минуту мне даже показалось, что я сама хотела бы их курить.

— Это показалось. — Ян улыбнулся. — Хотя трубочные магазины действительно впечатляют, понимаю тебя.

Чтобы ее понимать, хватило бы гораздо меньшей проницательности, чем у него. Он всегда говорил, что ее прямолинейность плоха не потому что из-за нее она наживает себе врагов, а потому что прямые линии упрощают и человека, и жизнь в целом, и это не есть хорошо.

Пробок почти не было, и доехали скорее, чем можно было ожидать. В полусумерках декабря даже Подсосенский переулок, всегда элегантный, выглядел мрачновато. И дом за решетчатой оградой казался унылым, как пленник.

Ян проводил ее до квартиры и, поставив чемодан у двери, сказал:

— Если что-то будет нужно, звони.

— Спасибо, — кивнула Ада. — И вот твоя трубка.

Трубку она привезла в ручной клади, поэтому не пришлось ни открывать чемодан прямо на лестничной площадке, ни предлагать Яну войти.

— Тебе спасибо.

Когда он взял у нее из рук черную коробку, его глаза блеснули, как у ребенка, получившего подарок к празднику. Можно было позавидовать тому, что он сохранил такую способность радоваться простым вещам.

Квартира, в которую Ада вошла, может быть, не показалась бы странной в Германии, но для Москвы была слишком нелепа. В одной комнате окна были, в другой, смежной, отделенной перегородкой из стеклянных блоков, не было, так что ее следовало считать не комнатой, а альковом. В прихожей едва хватало места, чтобы повесить пальто, а кухня была такая крошечная, что столом служил подоконник, иначе на четырех квадратных метрах было бы вообще не повернуться. Это потому, объяснял риэл-

тор, что весь подъезд — поздняя вставка в конструктивистский дом, построенный сто лет назад и с тех пор менявшийся только к худшему.

Ада включила холодильник и роутер. Теперь можно жить. Только надо купить еду — для себя и, главное, для Феи. Продукты, конечно, можно заказать домой, но Ада не приезжала давно, а Москву она... Да, теперь уже непонятно, любит ли она Москву, и скорее нет, но тем более стоит выйти из дому, чтобы соотнести свои чувства с действительностью.

Суровая погода в этом смысле несколько ее не беспокоила. Ян всегда говорил, что метеорологическая стойкость — Адино генетическое свойство; так и есть. И в кафе возле дома она зашла не из-за ветра и мокрого снега, а только потому, что здесь варили необычный кофе. Ада заказала гранатовый на песке и села за столик у окна, чтобы смотреть на прохожих, привыкая к Москве.

Летом московские прохожие были похожи на берлинских. Но даже летом — только похожи, зимой

же сходство исчезало совсем. Она давно уже поняла, почему так: когда человек старается поскорее добраться туда, где нет ветра и дождя, при этом еще вынужден следить за тем, чтобы не упасть и ничего себе не сломать, отсутствие у него свободы внутренней и личной ощущается еще более явственно, чем в хорошую погоду, когда он гуляет в свое удовольствие.

В кафе пахло гранатами, персиками и другими фруктами, с соками которых здесь варили кофе. Этот умиротворяющий запах несколько не изменился со времени ее последнего приезда. Изменилось ощущение от него. Не только от него, впрочем.

Из сумки послышался вальс Шостаковича. Ада вынула телефон и обрадовалась, что первый московский звонок — от сына.

— Так я ж соскучился, ма, — ответил он, когда она ему о своей радости сказала. — Сто лет тебя не видел. После коллоквиума приду.

Голос точно как у Яна — не тембром даже, хотя и тембром тоже, но, главное, всеми своими тонами,

полутонами, интонациями. Конечно, Федя полностью погружен в собственную жизнь, в его возрасте и не может быть иначе, и у Ады в восемнадцать лет было так. Но когда он говорит, что соскучился, то кажется, для него нет ничего важнее встречи с нею. Что ж, по отношению к Феде такой иллюзии можно просто радоваться, не ожидая разочарования.

— Что тебе приготовить на ужин? — спросила она.

— Зачем ты будешь готовить? Закажем что-нибудь. Я тут на хинкали подсел, можно их.

— Хинкали обязательно закажем. Но потом, хорошо? Все-таки для встречи с тобой мне хочется что-то приготовить самой.

— Ладно, — легко согласился он. — Тогда рагу в кьянти.

Федя с рождения отличался прекрасным аппетитом, а со временем выяснилось, что он обладает таким же, как у Яна, отношением к еде, обстоятельным и вдохновенным. Можно ожидать, что вскоре и кулинарный талант проявится.

Он мало в чем похож был на Аду, но ее это ничуть не угнетало.

— Ты придешь один? — спросила она.

— Конечно. — Он явно удивился ее вопросу. — А с кем я должен прийти?

— Я тебя жду, — сказала Ада. — И тоже очень соскучилась.

Она допила гранатовый кофе из деревянного стакана. Ей совсем не жаль было уходить из душистого тепла в мокрую декабрьскую метель. Ада не знала, как назвать ощущение, которое охватило ее уже в ту минуту, когда она подошла к пограничному контролю в Шереметьеве, вернее, не хотела обозначать это ощущение даже мысленно. Но оно не изменилось ни в кофейном тепле, ни в уличном холоде, а потому не стоило ни дорожить одним, ни избегать другого.

Глава 2

— Не, мам, локация имеет значение. Девчонка знакомая тоже в Вышке учится. Говорит, пока ее психфак в центр не переехал, как будто и не поступала никуда. Сначала до «Выхино» надо было тащиться, потом от метро автобусом пилить, потом еще дворами пробираться — и здрасьте, обычная школа на районе, и считай, что это универ. А у нас на Шаболовке корпуса крутые, и от дома и мне пять минут пешком, зимой в рубашке можно на лекции ходить.

Федя лежал на диване и, разговаривая с мамой, краем глаза следил за футбольным матчем чемпионата Англии, беззвучно идущим по телевизору. «У нас» он произносил без заминки. Ада не могла к этому привыкнуть, но уже не вздрагивала, когда это слышала.

— Положить тебе еще рагу? — спросила она, кивая на пустую тарелку, стоящую у него на животе.

— Хотелось бы, — вздохнул Федя. — Но больше не влезет.

Ада не была изощрена в поварском искусстве, поэтому рагу в кьянти было ее коронным блюдом. Мама говорила: его так просто готовить, что даже твоя бабушка научилась, когда однажды попробовала в Италии. Ну и Ада научилась тоже. Собственно, и учиться было нечему: крупно нарезанные мясо и овощи — все, какие попадутся, — обжаривались на оливковом масле, складывались в котел вместе с итальянскими помидорами в соку, все это заливалось бутылкой кьянти и оставлялось на три часа на огне. Огня в ее московской кухне, правда, не было и не над чем было повесить котел, да и котла не было тоже, его заменяла обычная кастрюля с толстым дном. Но и на электрической плите рагу получалось точно такое, как в дедовом доме. Ян считал, что весь секрет в качественном вине и в двух палочках корицы, которые ко всему этому полага-

лось добавлять. Как бы там ни было, это рагу напоминало о детстве, и Ада радовалась, что его любит ее сын.

— Папа говорит, у тебя появилась девушка, — сказала она. — Если ты не хочешь, то можешь не рассказывать. Я спросила только потому, что уже узнала о ней.

— Если честно... — протянул он. — Не очень хочу рассказывать.

— Потому что у вас просто секс?

— Ну... Ага.

В его голосе промелькнуло что-то вроде смущения — так кратко промелькнуло, что и не уловить. Но Ада, конечно, уловила и обрадовалась этому смущению.

— Но ты напрасно думаешь, что я этого не пойму, — сказала она. — Секс — честная основа для отношений. Если вы оба ее принимаете.

— Да? — Кажется, он вздохнул с облегчением. — А я думал, ты скажешь, что без любви неправильно.

— Правильно или неправильно, но бывает по-разному. Ты ее точно не любишь?

— Вроде бы нет.

— А она тебя?

— Я не спрашивал.

Оба его ответа настораживали. Но оба же и исключали дальнейшие расспросы, Ян правильно это понял.

— Ты надолго приехала? — спросил Федя.

— Пока не знаю, — ответила Ада. — Я решила поменять работу, и у меня есть промежуток на мое усмотрение. Когда заканчиваются твои экзамены? Мы могли бы поехать в Альпы.

— Так каникулы в феврале только будут.

— У меня достаточно времени. И найдутся в Москве дела, пока ты будешь сдавать экзамены.

— Я подумаю.

Он произнес это нехотя и вместе с тем твердо. Как будто захлопнул перед ней дверь, за которую не хочет ее пускать. Таких дверей теперь много, и ничего с этим сделать уже нельзя.

— Постарайся решить поскорее, — все-таки сказала Ада. — Чтобы я как можно раньше забронировала отель. Думаю, это уже и сейчас будет нелегко. Люди скучали во время пандемии, и многие теперь хотят кататься на лыжах.

— Ты отвыкла по-русски говорить, ма. — Федя улыбнулся той чудесной улыбкой, которая несколько не изменилась с его младенчества. — У тебя получается как у иностранки.

Она улыбнулась тоже.

— Я и есть иностранка.

— Но есть нюансы, — заметил он.

«Ты мой единственный нюанс», — подумала Ада.

А вслух спросила:

— Ты хочешь переночевать у меня?

— Хочу, но у меня завтра контрольная на первой паре, — ответил он. — А от тебя ехать долго, вставать придется рано... Папа говорит, что я гедонист.

— Не больше, чем он.

— Но просыпаюсь позже, чем он, — заметил Федя. И тут же заорал: — Го-ол! «Ливерпуль» красавцы!

Ада уже и забыла, что идет футбол, но сын не забыл, конечно. Он посмотрел повтор гола, убрал пустую тарелку с живота на пол и встал с дивана.

Повседневное одиночество ее не тяготит, но это в Бонне. А здесь все теперь имеет смысл только потому, что есть сын, и каждая минута без него — напрасная минута.

Федя поцеловал ее у двери. В рассеянности этого поцелуя проступала его отдельная жизнь. Но от его светлых волнистых волос по-прежнему исходил запах детства, хотя и смешавшийся уже со множеством взрослых запахов.

— Когда поймешь, что у тебя появляется время для встречи со мной, звони, хорошо? — попросила Ада. — Я почти совсем не занята и обрадуюсь приехать, чтобы с тобой встретиться. И это я могу делать каждый раз, когда ты будешь свободен.

— Ага, — кивнул Федя. — Позвоню.

Наверное, позвонит. Он честный мальчик. Во всяком случае, с ней.

В окно Ада смотрела, как он идет через двор и скрывается в снежной пелене. Он похож на своего отца даже походкой, и, возможно, девушка, с которой у него просто секс, смотрит ему вслед так же, как сама она когда-то смотрела вслед Яну, идущему по Флотовштрассе. Хотя то, что Ада чувствовала тогда, с сексом было связано лишь опосредованно.

Глава 3

От вокзала до улицы Флотовштрассе Ада решила пойти пешком. Рейс задержался, от аэропорта до города добралась последней электричкой, автобус уже не ходит, такси, наверное, получится дорого, да и зачем такси, когда прогулка по ночному Кельну будоражит воображение.

И оказалось, правильно решила. Выйдя из здания вокзала на площадь, долго стояла перед Собором, задрав голову. Когда шея затекла, то легла на теплую брусчатку и продолжила разглядывать эту сложную громаду.

Фотографии не давали о Соборе настоящего представления. Наяву он был как фантастическое существо, но какое именно, Ада не понимала. Казалось странным, что такое необыкновенное создание не явилось само собою, из природы, а построено людьми. Уходя с площади, она долго оглядывалась на Собор, не исчезающий из виду.

Каникулы еще не закончились, и в общежитии стояла тишина, как в доме престарелых. Поняв, что получить ключи от комнаты не удастся — не отель же, ночной портье не предусмотрен, — Ада поднялась на второй этаж. И в самом начале коридора обнаружила кухню. Она составила вместе несколько стульев, стоящих у одного из столов, и легла на них, подложив под голову рюкзак.

Луна светила в глаза. Стоило их закрыть, и башни Собора являлись в памяти. Отдельный мир, странный, сумрачный, будто задымленный... Возможно, он ей снится, и есть в этом сонном видении что-то завораживающее... Фантасмагорическое, быть может... Это проплыло в ее сознании и утонуло в настоящем сне.

— У тебя спина не болит?

Всегда и везде Ада сознавала, где находится, сразу, как только просыпалась. И сейчас это оказалось так. Правда, сейчас она думала, что уже утро, но, открыв глаза, увидела, что луна по-прежнему стоит в окне.

Рядом с луной стоял человек, который и спросил про спину. Он касался луны плечом.

— Совсем не болит, — ответила Ада.

— Жаль.

— Почему?

— Хотел тебе предложить перейти на раскладушку. Но если ты здесь йогой занимаешься...

— Я не занимаюсь йогой. — Ада села. Стулья под ней при этом раздвинулись, и она чуть не свалилась на пол. — Просто не успела получить ключ от своей комнаты.

— Так я и подумал. Ну что, пойдешь на раскладушку?

— Пойду. Если она где-нибудь есть.

— Конечно, есть. У меня вечно кто-то ночует, я ее и складываю даже не всегда.

— Спасибо, — сказала Ада.

Она хотела взять свой чемодан, но человек, предложивший ей раскладушку, уже выкатил его из кухни. Выйдя вслед за ним, Ада присела, чтобы за-

вязать шнурки на кроссовках, и, завязывая, смотрела ему вслед, и засмотрелась так, что спохватилась только когда он остановился у своей двери, ожидая ее.

В комнате он сразу перенес свою постель с кровати на стоящую у противоположной стены раскладушку и достал из шкафа другую подушку, одеяло, белье.

— Но зачем мне постель? — спросила Ада. — Я ведь только на два или три часа. И ты же сказал, что я лягу на раскладушке.

— Это без детализации сказал, — ответил он. — Конечно, на раскладушке сам лягу.

Возможно, следовало спросить, почему он ляжет на раскладушке сам, однако семейный опыт позволял Аде этого не спрашивать. Есть все-таки польза в архаичном опыте.

Войдя в комнату, он включил только настольную лампу — может быть, машинально, но Аде показалось, для того, чтобы свет не ударил ей в глаза и не развеял ее сон. Она была даже уверена, что

именно поэтому. За тем, как ловко он заправляет одеяло в пододеяльник и подушку в наволочку, она следила так же, как несколько минут назад за тем, как он идет по коридору. И только потом сообразила, что он занимается подушкой и одеялом, которые предназначены для нее. Но прежде чем успела как-то на это отреагировать, он обернулся и сказал:

— Забыл представиться. Ян меня зовут. А тебя как?

— Я тоже все забыла, — ответила она. — Даже что могу сама себе постелить. Спасибо тебе. Меня зовут Ада.

— Ты откуда? — поинтересовался он. — По-немецки хорошо говоришь.

— Из Англии.

— А я из России. — И, предупреждая ее вопрос, уточнил: — Здесь учусь на экономическом.

Он хорошо говорил по-немецки, акцент был едва ощутим, да и то если знать, что у него может быть акцент.

— Я не догадалась бы, откуда ты, — сказала Ада.

— Никто не догадывается. Ну, ложись.

С этими словами он вышел. В блоке было две комнаты с общим туалетом и ванной. Ада услышала, как зашумела вода.

Когда она шла с чемоданом и рюкзаком через ночной город и лежала потом на сдвинутых стульях, то не чувствовала усталости. А от вида чистой постели ее разморило так, будто снотворное приняла. Может, разморило от всей атмосферы этой комнаты — чистоты, тишины, уюта. Ада не умела создавать уют, поэтому сразу его замечала.

Она сняла кроссовки, джинсы. Поколебавшись, сняла и худи: в уличной одежде жалко было ложиться в чистую постель. И, нырнув под одеяло, уснула так мгновенно, что не слышала даже, когда Ян вернулся в комнату.

Открыв глаза, Ада поняла, что не два часа проспала, конечно. Шторы были задернуты, поэтому солнце не било в глаза, но оно было таким ярким, что казалось, снаружи за шторами волнуется сплошное море света. Скорее всего, летнее утро в самом

разгаре. Подняв голову, она увидела, что раскладушка пуста.

Ян появился, когда Ада вышла из ванной; они столкнулись в прихожей.

— Извини! — воскликнула она. — Из-за меня ты ничего не мог делать у себя дома.

— Ничего страшного. — Он улыбнулся. — Побегал пока. Выспалась?

— Даже слишком, — смущенно кивнула Ада.

— Завтракать будешь?

— Думаю, пора уже обедать.

— Можно и пообедать. Подождешь меня? Я в душ на пять минут.

Пятна пота проступали у него на футболке, светлая волна волос на его лбу превратилась в темные мокрые стрелки.

— Я пока получу ключ от своей комнаты, — сказала она. — Если сотрудник еще не ушел.

— Не ушел, — заверил он. — Я его только что видел.

Когда Ада снова поднялась на второй этаж, уже со стопкой постельного белья в руках, то обнаружила Яна в кухне. На плите что-то жарилось, а он резал лук большим ножом. Такой нож и такую скорость нарезки она видела только по телевизору в кулинарной передаче.

— Я не спросил, — сказал Ян, когда она заглянула в кухню, — ты лук тушеный ешь?

— Я все ем, — ответила Ада.

— Это правильно, — одобрил он. — Будет курица в луковом соусе. Не волнуйся, это быстро. Пока вещи разложишь, все будет готово.

— Я не волнуюсь, — сказала она. — А ты знал, что мне предложат комнату в твоём блоке?

— Предполагал. Сосед позавчера на квартиру переехал.

Он поднял голову. Из его глаз текли луковые слезы. В сочетании с улыбкой и с широким разлетом бровей это выглядело неотразимо. Вернее, он сам выглядел неотразимо. Ада засмеялась.

— Ты легкий человек, — сказала она.

Сама она таким человеком не была, поэтому мгновенно распознавала это качество в других. Да и невозможно было не распознать его в Яне.

— Легкий? — переспросил он.

Ада подумала, что неправильно назвала это по-немецки, и повторила по-английски:

— С тобой очень легко.

— А! Может быть. Ключ дали тебе? Моя комната открыта, можешь вещи забирать. Помочь перенести?

— Спасибо. У меня не слишком много вещей, я сама.

— Ну, устраивайся.

Устройство потребовало времени, потому что в комнате уехавшего соседа надо было хоть немного прибрать. В общей прихожей, в хозяйственном шкафу, нашлось все, что требовалось для уборки, и, поколебавшись, Ада решила, что потом восполнит то, что использует сейчас. Флаконы, коробки, щетки, тряпки — по тому, как они были разложены и рас-

ставлены на полках, было понятно, что их приобретением занимался не сосед, оставивший после себя хаос, а Ян, с которым понятие хаоса просто не связывалось.

Он постучался в комнату, когда Ада уже вымыла платяной шкаф изнутри, разложила на его полках свои вещи и стояла на подоконнике, снимая с карниза пыльные шторы.

— Ого! — хмыкнул Ян, оглядывая мусорную кучу, которую она намела на полу. — Однако Педро и свинья! Мог бы перед отъездом прибраться. — Он протянул ей руку, чтобы она спустилась с подоконника, и сказал: — Сделай перерыв, обед готов.

Обед, который он приготовил — по ее впечатлению, во мгновение ока, — оказался так вкусен, что она чуть язык не проглотила от тающей во рту курицы в густом луковом соусе.

— Если бы я не знала, что ты студент, — сказала Ада, в сытом изнеможении откидываясь на спинку стула, — то подумала бы, что ты профессиональный повар!

В расслабленном состоянии она перешла на английский, и Ян тоже легко перешел на него.

— Это гены, — объяснил он. — Отец готовит как бог. Хотя предпосылок к этому у него никаких не было. Даже наоборот.

— Что значит «наоборот»?

Ада покосилась на стоящий посередине стола сотейник и, вздохнув, положила себе еще кусочек курицы. Она никогда в жизни столько не ела!

— Ну, он в войну рос, какая могла быть кулинария. После войны опять голод. Потом в лагерь загремел, тоже не место для освоения высокой кухни.

— Он был политический заключенный? — забыв о курице, спросила Ада.

— Да нет, он тогда и слова такого не знал, — ответил Ян. — Отец его на фронте погиб, мать на заводе с утра до ночи. Рос как трава в рабочем поселке. Украли с друзьями какой-то провод, поменяли на хлеб. Так что посадили его в общем за дело.

Могли бы, конечно, и снисхождение проявить к голодному мальчишке. Но не проявили. Он всю жизнь судьбу благодарит за тот лагерь.

— Почему? — не поняла Ада.

— Говорит, ни в каком университете не получил бы такого образования. — Заметив, что она не понимает его слов, Ян объяснил: — Там политических было много. Лекции читали товарищам по несчастью. Аристотель, Кант и далее по списку. По высшей математике тоже. Отцу очень кстати пришлось. И рисовать там же начал. В общем, что ни делается, все к лучшему. Ешь, не отвлекайся, — напомнил он.

Ада не считала, что лагерь может быть к лучшему. Но человек из России знает об этом, конечно, больше, чем она. К тому же ей казалось неловким рассуждать о таких вещах за сытным обедом.

— Давай я помою посуду? — предложила она.

— Давай лучше я тебе помогу в комнате убрать, — сказал Ян. И, предупреждая ее возражения, добавил: — Я же не каждый день у плиты стою. Только если вдохновение снисходит, обычно-то в мензе

обедаю. Ты сегодня удачно подвернулась — не зря старался. По такому случаю и посуду могу помыть. Когда уборку закончим.

В каждом его слове и поступке было столько естественности и простоты, что возражать ему было невозможно. Аде и не хотелось ему возражать. Особенно когда он смотрел на нее с улыбкой, освещающей его лицо так же, как солнце освещало и эту студенческую кухню, и этот июньский день, и жизнь, простирающуюся впереди.

Глава 4

Что искусство, вне зависимости от его стоимости, ценно только если оно настоящее, Ян заметил правильно. То есть не он заметил, а Харджиев, знаменитый коллекционер и человек необыкновенный, с которым был знаком его отец. Когда Ада узнала об этом знакомстве, то пожалела, что познакомилась с отцом Яна уже после того, как Харджиев умер. Впрочем, общение с Теодором Левандовским само по себе являлось подарком судьбы, так что жалеть было не о чем.

Но для ее нынешней работы такие тонкие настройки не требовались. В ее обязанности входила не оценка произведений, которые отправлялись из Москвы в Кельн, а только правильное оформление связанных с ними документов и сопроводительных материалов. Собственно, Ада оформила их дистанционно, но раз уж приехала в Москву, то собиралась убедиться, что в реальности тоже все

в порядке. Ее попросил об этом Бодо Хаген, директор кельнской галереи, когда она сообщила ему, что намерена уволиться сразу после отпуска. Что ж, ей прекрасно работалось с ним три года и не трудно было сделать ему любезность.

Бодо выставлял и продавал картины молодых художников из разных стран. Правила оформления документов для их отправки в Германию везде были разные, за три года Ада изучила все досконально. Может и не стала бы менять работу — она считала деятельность Бодо необходимой и правильной, и ей было понятно, почему он в силах лишь очень скромно платить своим сотрудникам. Но позволить себе зарабатывать так скромно Ада все-таки не могла. Если бы она была готова на любые лишения ради искусства, то у нее была бы причина с этим мириться. Но, во-первых, она не была на это готова, а в-главных, за все три года не увидела в галерее Бодо ни одной картины, ради которой стоило бы терпеть не то что лишения, но даже неудобства. Почему

совсем молодые люди, в которых хотя бы в силу молодости должен жить дух бунтарства, пишут так стандартно и при внешнем разнообразии манер так как-то ровно и однообразно по сути, Ада не понимала. Но это было именно так, и хотя ее впечатление было вызвано лишь субъективной интуицией, она не находила ничего, что могла бы своей интуиции противопоставить.

В общем, расставаться с нынешней работой, не слишком обременительной и даже приятной, ей было не жаль, и расставание она приурочила к зиме, чтобы до устройства на новую работу поехать с Федей в Альпы. Предварительно Ада выяснила, что Ян занят выше головы и на зимний отпуск не рассчитывает; это было очень кстати.

Выставка, с которой в Кельн должны были отправиться картины, проходила в ГЭС-2. Об этой новой площадке, грандиозной даже для Москвы, где грандиозность считалась естественным атрибутом повседневности, Ада слышала так много, что было любопытно ее увидеть.

Огромное, во всех оттенках серого и жемчужного, здание на Балчуге когда-то действительно было электростанцией, и после реконструкции его промышленный стиль не изгладился. Трубы, возвышающиеся над ним, тоже соответствовали облику индустриального монстра, хотя синий цвет, в который они были выкрашены, придавал им артхаусный вид. Да и не могло обычное промышленное здание сиять таким дорогостоящим лоском. А это здание именно сияло в лучах зимнего солнца, прорезавшегося сквозь облака. Оно выглядело так гармонично, что Ада остановилась на набережной, любуясь им, прежде чем войти.

Внутри ГЭС-2 расположилась пустота — как живое существо. Людей почти не было. Это выглядело так странно! И потому, что был субботний день, и потому, что красота этого огромного, многоуровневого, светлого пространства должна была бы притягивать множество людей во всякое время года, недели и суток. Оно было устроено сложно и разнообразно, в нем хватило бы места для любых занятий,

какие изобрела бы самая бурная фантазия. Террасы, балконы, бесчисленные площадочки и площадки, просторная, как в каком-нибудь итальянском городе, площадь под крышей... Здесь ведь должно быть так приятно прогуливаться, сидеть в любом из многочисленных кафе — почему они все почти пусты? — бродить по книжным магазинам, слушать музыку, смотреть кино!

Кажется, Ада произнесла какую-то часть этой фразы вслух, стоя как раз на той самой площади под крышей, где свет переплетался с металлом совсем уж фантастическим образом.

— Удивляться не приходится, — услышала она.

И, оглянувшись, увидела мужчину, стоящего в шаге от нее. Мужчин, собственно, было двое, но ее взгляд остановился на одном. Он чем-то напоминал Яна. Ростом, может быть, а скорее, уверенностью в себе, которая от него ощутимо исходила.

— Почему не приходится удивляться? — спросила Ада. — Мне кажется странным, что такое замечательное здание так пустынно.

— Меня тоже это не радует, — согласился тот. — Но ничего другого и ожидать не приходилось. Минимализм вообще не для Москвы, а такое белое пури-танство тем более. Но дело даже не в этом.

— А в чем?

Искра внешнего сходства, конечно, не един-ственное, что объединяет его с Яном. Интригующая точность формулировок — в гораздо большей мере.

— По чашке кофе? — предложил он. — Поддер-жим одно из коммерчески безнадёжных заведений.

Его спутник кивнул, и они втроем пошли искать кофейное место.

Кафе, попавшееся первым, действительно не выглядело коммерчески благополучным. Ада, ее со-беседник по имени Антон и его спутник, представив-шийся Игорем, оказались единственными посетите-лями. Правда, из кафе было видно, как напротив на балкончике двое молодых людей играют в шах-маты, но впечатление изысканной пустыни только усиливалось от этой одинокой игры.

— Зданий такого архитектурного уровня в мире всего с десяток, может, — сказал Антон, когда Ада сообщила ему об этом своем впечатлении. — Конечно, вгрозить миллиарды и получить в итоге всего одно обитаемое помещение — это даже для Москвы слишком. — И объяснил, заметив ее недоумение: — Я тут комнатку видел — дети с родителями что-то лепят-клеят, вопят-смеются, живенько так. Остальное все мертвое. Городить такой огород, чтобы развлечь десяток детей, точно не стоило, согласитесь.

— Я читала, что во время реконструкции здесь нашли старинные водочные склады. В них теперь гончарные мастерские и, кажется, пекарня, — возразила Ада.

— Не смешите, пожалуйста, — поморщился Антон. — Мастерские можно было устроить в гораздо более бюджетных интерьерах. К тому же нехватки горшков и караваев в Москве вообще не наблюдается.

— Вы собирались мне объяснить, в чем причина этого, — напомнила Ада.

— Вы иностранка, — усмехнулся он. — Немка, наверное?

— Почему именно немка?

— Слишком цените суть дела.

— Немцы ценят не только голую суть, но и то, какими способами она выражается, — пожала плечами Ада. — И не стоит попадать в плен стереотипов, я думаю. Тем более мнимых стереотипов.

— Ну, если по сути: ГЭС-2 не понравилась царю, — сказал Антон.

— Какому царю? — не поняла Ада.

— Царь у нас один. Снизошел до посещения две недели назад. Его тут всюду водили, показывали. Он, кстати, тоже про водочные склады вспомнил. А в целом ему все это не понравилось.

— Почему? — удивилась она. — Ведь это действительно высокий мировой уровень.

— В том-то и дело. Мировой уровень не нужен. Нужен национальный стереотип, дорого-богато. И чтобы это было видно с первого взгляда. А здесь с первого взгляда видна иностранщина.

— Думаю, вы ошибаетесь. — Ада недоверчиво покачала головой. — Все хотели, чтобы Москва стала настоящей мировой столицей. Это было очень заметное желание, иногда просто комически заметное.

— Возможно, — впервые нарушил молчание Игорь. — Но это не главное, чего все хотели.

— А что главное?

— Все-таки вы немка! — засмеялся Антон. — «Сказку о рыбаке и рыбке» не читали, наверное?

Пушкина вслух читал Ян, когда Феде было пять лет. Они тогда разделили обязанности — Ада читала ребенку немецкие и английские сказки, а Ян русские. Федя терпеливо ожидал, когда закончатся те и другие и можно будет включить «Симпсонов». Ян первым это заметил и тут же прекратил эти, как он сказал, допотопные чтения.

— Только слушала, когда мой муж читал эту сказку нашему сыну, — сказала она. — Но слушала не очень внимательно, поэтому вряд ли понимаю ваши аллюзии.

— Жена рыбака хотела, чтобы золотая рыбка, могущественнее которой нет никого в мире, стала ей прислуживать, — сказал Игорь. — И чтобы такой прислугой можно было помыкать. Это, а не царский дворец и даже не царская власть, было единственным, чего она хотела.

— Но ведь ее желание не осуществилось? — спросила Ада.

— В сказке — нет, — ответил Игорь.

— А в действительности — вопрос открыт, — добавил Антон.

— По-моему, вы преувеличиваете, — пожала плечами она.

— Даже преуменьшаю, — усмехнулся Антон.

Ада перевела взгляд на Игоря. Ей показалось, что он ее поддержит. Но он молчал. Видимо, ощущение поддержки определялось только внимательностью его взгляда и не соответствовало действительности.

— В Москве много адекватных людей, — сказала она, — которые совершенно не мечтают кем-то помыкать.

И, сказав это, почувствовала тягость и скуку — то, что всегда чувствовала во время бессмысленных разговоров.

— Много — это, по-вашему, сколько? — спросил Антон. — И сколько тех, которые как раз мечтают?

— Я не подсчитывала ни тех, ни других и не имею планов это делать. — Ада поставила пустую чашку на блюдце и поднялась из-за стола. — Приятно было познакомиться с вами.

Выставка, которую надо было посмотреть, располагалась на подвальном этаже. Пока Ада ее искала, ей казалось, что она идет по пустому аэропорту. Это напомнило о не совсем еще закончившейся пандемии, и стало не по себе.

Может быть, из-за нехстати возникшей ассоциации она смотрела на картины рассеянным взглядом. Впрочем, по работе ей особенно внимательный взгляд сейчас и не требовался, достаточно было

убедиться в их наличии. А вне работы они не могли ее заинтересовать, потому что ничем не отличались от множества других. Городские пейзажи в разных стилях, геометрические фигуры, цветовые пятна — всё довольно изобретательно, что-то реалистично, что-то сюрреалистично, но в целом ничего такого, чего ей не приходилось бы видеть раньше. Опыт — страшная вещь: чтобы разбудить чувства, требуется нечто все более экстраординарное, в жизни такого мало, и потому волнение, душевный подъем и тем более восторг становятся все более труднодостижимыми, а состояние счастья кажется недостижимым вообще.

Ада поговорила с кураторкой, маленькой, подвижной, с горящими глазами — та, наоборот, была воодушевлена и картинами, которые ей, похоже, искренне нравились, и ГЭС-2, которая нравилась еще больше, и всем, что обещала ее молодость, — и, поплутав немного в поисках выхода, оказалась на улице.

Люди толпились на набережной вокруг гигантской скульптуры в виде огромного, в четыре человеческих роста, куска мятой коричневой глины. Эта «Большая глина №4» кочевала из страны в страну, вот теперь добралась до Москвы и, судя по тому, что Ада об этом читала, вызвала здесь главным образом насмешки и возмущение. Ей стало любопытно послушать, что говорят на самом деле, и она подошла к скульптуре.

— Нет, ну вот кому в голову пришло посреди Москвы кашку поставить? — возмущался коренастый мужчина лет сорока. — Это они что хотели сказать?

— Ясно что, — ответила его спутница. Она была такая же коренастая и поэтому казалась его сестрой, но, возможно, являлась женой. — Какую жизнь они нам устроили, такие и памятники ставят.

— Ой, такая у вас прямо плохая жизнь! — фыркнула женщина, снимающая «Большую глину» на айфон. — В Москве только птичьего молока не хватает, и то есть. А вам всё не так! Никакой благодарности!

— Кого я, по-вашему, благодарить должна? — не задержалась с ответом первая. — Это всё на мои налоги, между прочим, сделано!

— Про свои налоги в Америке будете рассказывать! А у нас всё на государственные деньги делается. На нефть и газ. Не на ваши три рубля!

— А Маргарет Тэтчер сказала, что нет никаких государственных денег — есть только деньги налогоплательщиков!

— В Англии, может, и нет! А у нас есть!

— А мне эта глина нравится, — примирительно заметил парень с эрподами в ушах.

— Вот прямо интересно, чем она может нравиться!

— Медитировать рядом с ней хорошо, — объяснил он. — Мысли активируются.

— Какие же, например, мысли?

— О творчестве, например, — ответил парень. — И так, вообще. Об усилении жить.

— Вот и забирайте ее к себе домой и там медитируйте сколько хотите!

Голоса спорящих становились все более сварливыми. Как будто эта мятая глина была не городской скульптурой, пусть и необычной, а личным для них оскорблением. Такими — нервными, напряженными, злыми — мгновенно становились теперь любые споры, которые Аде приходилось слышать, в Москве особенно. В сетях же на русском языке вообще творилось что-то немыслимое. Однажды Ада увидела в инстаграме пост девушки из Люберец, которая начала выращивать у себя на подоконнике амариллисы, и комментарии под этим невинным сообщением ужаснули ее. В адрес любительницы цветов понеслись сначала советы, бесцеремонностью своей напоминающие приказы, а сразу вслед за советами такие упреки и проклятия, словно девушка сообщила, что изготавливает смертельные яды.

Если бы Ада занималась социологией, то, наверное, сделала бы это явление своей главной темой — оно казалось ей приметой времени. Но социологией она не занималась, а по-человечески ей не хотелось ни видеть этого, ни слышать.

— А кто это сделал вообще, не знаете? — указывая на скульптуру, спросила интеллигентного вида дама в английском пальто с деревянными пуговицами.

Она обращалась к Аде, видимо, решив, что из стоящих поблизости людей только та способна ответить на ее вопрос.

— Урс Фишер.

— Еврей, наверное, — вздохнула дама.

— Швейцарский скульптор, — ответила Ада.

И, не дожидаясь сообщения о том, что евреи затаились везде, и в Швейцарии тоже, пошла по набережной к Полянке, к метро. Пройдя несколько шагов, она обернулась.

Зимнее солнце стояло невысоко, в его лучах видны были на поверхности скульптуры свободные и прихотливые следы гигантских ладоней и пальцев. Усилие жить представало в вечной своей незавершенности так зримо, что не требовало объясняющих слов.

Глава 5

Федя предупредил, что будет праздновать Новый год в большой компании однокурсников, они уже сняли коттедж в Подмосковье, поэтому пусть мама на него не рассчитывает, а на Рождество он полностью в ее распоряжении. Ада, собственно, и приехала в Москву так задолго до его каникул как раз для того, чтобы провести с ним рождественский Сочельник. Раньше они проводили его в дедовом доме вместе со всё увеличивающейся семьей, в которой чуть не каждый год рождались новые внуки или правнуки. Но предновогоднее Рождество не было в России выходным, поэтому Федя не смог бы никуда поехать во время сессии — в этот день у него был даже зачет. Пришлось и Аде отказаться от традиционного празднования. Это решение вызвало у нее печаль, но не вызвало ни тени сомнения.

В Рождество Ян работал, поэтому не было необходимости приглашать его на ужин. Да и не поэтому

тоже не было такой необходимости. Утром Аду разбудил курьер — привез от него подарок, бутылку крымского игристого вина и шарф «Эрме». Вино она убрала в кухонный шкаф, а шарф повязала, выходя в магазин за шампанским. Его карминный цвет подходил к ее черному пальто, и к темным волосам и глазам подходил тоже.

Такие дни, как сегодняшний, были ее любимыми зимними днями в Москве. Из-за крепкого мороза снег не таял даже на тротуарах, и московские улицы становились от этого похожими на лесные просеки. Однажды они с Яном встречали Новый год у его друга, на даче у Плещеева озера, и дорога, по которой ехали тогда через лес, выглядела точно как Подсосенский переулок сегодня, разве что гигантские ели здесь, в переулке, не стояли стеной.

В мороз у первого подъезда всегда раскатывалась ледяная дорожка. Сегодняшний утренний снег ее слегка припорошил. Ада об этой ледянке знала и обходила ее стороной, но тот, кто не знает, упал бы непременно. Поэтому, заметив, что вошедший во

двор человек идет как раз к первому подъезду, она приостановилась и сказала:

— Будьте осторожны, там лед.

— Я знаю. — Он тоже приостановился, глядя на нее. — Здравствуйте, Ада.

Она удивилась, что сосед знает ее имя, но приглядевшись поняла, что это не сосед. То есть, может быть, и сосед, но имя ее знает не поэтому.

— Здравствуйте, Игорьь, — ответила она. — Мне всегда казалось, если говорят «мир тесен» — это преувеличение. Но нет.

— Конечно, нет, — кивнул он. — Москва уж точно тесна. Я еще на ГЭС-2 вспомнил, где вас видел.

— Почему же не сказали мне об этом?

— Вспомнил только когда вас уже стало раздражать общение с нами и вы ушли.

— Меня не стало раздражать... — начала было Ада.

— У вас нет никаких причин оправдываться. Скорее я должен извиниться. Мы вам навязали пустой

разговор. У любого нормального человека это вызывает раздражение.

От этих его слов Ада засмеялась и тут же объяснила с некоторым смущением:

— Извините. Но вы очень точно догадались, что я подумала тогда.

— Не трудно догадаться.

Снег пошел снова. На морозе он падал не хлопьями, а отдельными снежинками, серебрящимися в ранних сумерках. Глаза Игоря едва угадывались в этом сумеречном, лесном каком-то свете. Удивительно, как она узнала в полумраке человека, знакомство с которым было таким случайным и кратким, что его и знакомством нельзя было назвать.

— Вы живете в этом подъезде? — спросила Ада.

— Уже нет, — ответил Игорь. — Но иногда приходится забирать запоздалую почту. Я потому вас и вспомнил, что риэлтор, который занимался продажей моей квартиры, одновременно занимался покупкой здесь же другой, для вас. Однажды мы с вами коротко виделись во дворе.

— У вас хорошая зрительная память, — заметила Ада. — Ведь это было так давно.

— Не так уж давно. Нравится вам этот дом? Квартира-то у вас, насколько я понимаю, не очень удобная.

Конечно, он спросил это лишь из вежливости. Но внимание, которое она заметила в его взгляде еще во время разговора на ГЭС-2 и приняла тогда за поддержку, на этот раз создавало иллюзорное, но правдоподобное впечатление, будто ему не все равно, что она ответит. Поэтому Ада ответила чуть более пространно, чем требовала обычная вежливость по отношению к случайному человеку:

— Я мало бываю в этой квартире. Обычно приезжаю в Москву не надолго. Только в пандемию пришлось задержаться. Но все то время я провела в больнице.

— Извините, что задерживаю вас на улице, — сказал Игорь.

— Это ничего страшного. — Ада улыбнулась. — Я давно восстановилась.

— И готовитесь к праздничному ужину. Радостного Рождества, Ада.

— И вам, Игорь. И хорошего движения к новому году.

Дань вежливости была этими праздничными формулами отдана. Ада пошла к выходу со двора. Обернувшись, она увидела, что он скользит к подъезду по ледянке со спокойной уверенностью привычки. Слова, которые она по-русски воспроизвела как движение к новому году, дословно переводились как скольжение к новому году. Неизвестно, знал ли об этом Игорь, но то, что он выполнил традиционное немецкое пожелание так буквально, вызвало у Ады улыбку.

Готовиться к праздничному ужину было вообще не нужно — он был уже готов. Но про шампанское она забыла, за ним и пришлось идти. Вернее, не забыла, а не купила потому что думала, шампанское пришлет Ян. К Рождеству он всегда присылал ей шампанское. То есть раньше не присылал, а ставил

под елку, но шампанское всегда было частью его подарка. На этот раз бутылка оказалась из Нового Света, и она не хотела ставить ее на стол, особенно в Федином присутствии. Конечно, Ян выбрал крымское вино не случайно, и демонстративность этого подарка была ей неприятна.

Ада ценила возможность заказать в Москве к празднику все, что способна или не способна вообразить самая изощренная фантазия. Ей нравилась русская кухня и нравилось, как ее воспроизводят — или преобразуют? — в ресторане «Пушкин». Поэтому, не мудрствуя, она заказала все именно там, добавив от себя только салат с бакинскими помидорами, такими великолепными, каких не найдешь в Германии.

Вернувшись из магазина, Ада поставила французское шампанское на стол и, обведя взглядом сервировку, решила, что ощущение праздника создано. Во всяком случае в той мере, в какой оно создается рождественским ужином и еловой веткой в

вазе. Конечно, ее нынешняя жизнь вообще и Рождество в Москве в частности — это лишь замена тому, что было счастьем в ее памяти. Но драгоценна и малая часть большого и подлинного целого — пандемия дала ей хороший урок в понимании этого.

А когда она поцеловала вошедшего сына, почувствовала морозный запах его щеки, увидела молодой и радостный блеск в его глазах, то счастье перестало быть частичным — заполнило ее всю, сделалось абсолютным.

— А хинкали! — вспомнил Федя, оглядев стол. — Черт, хотел же заказать и забыл!

— И я забыла! — расстроилась Ада. — Может быть, мы еще успеем заказать?

— Мам, забей.

Он улыбнулся. Эта улыбка еще до Фединоного рождения была ей знакома. Так же, как великодушие, ее питающее.

— Но ведь ты хотел поесть хинкали, — сказала она.

— Я хотел, чтобы ты их попробовала. Ну так ты же не завтра уезжаешь.

— Да, — кивнула Ада. — И я уже забронировала для нас билеты. И отель в Гармиш-Партенкирхене, и все остальное, что нужно.

— Спасибо. — Он чмокнул ее в лоб и нетерпеливо сказал: — Давай уже садиться, а? Я голодный, как крокодил.

Федя открыл шампанское, разлил по бокалам, чокнулся с мамой за Рождество, быстро выпил и набросился на еду с таким аппетитом, что Ада не сдержала смех. Каждое подтверждение того, что сын остается собою в любых обстоятельствах, радовало ее душу, даже если относилось к такой обыденной сфере, как еда. Рыбное заливное, соленые грузди, блинчики с телятиной, крошечные пушкинские пирожки, вырезка из оленины — всё он поглощал с удовольствием, и все его движения при этом были так же непринужденны, как в три года, когда

он взял нож, лежавший рядом с тарелкой Яна, и отрезал на своей тарелке кусочек котлеты так, будто родился с умением это делать.

— А под елку заглянуть? — напомнила она, когда сын наконец положил вилку и нож.

— Сначала ты загляни, — улыбнулся он.

Ада удивилась этому предложению — не понимала, когда Федя мог бы что-то под еловой веткой оставить. Наверное, ухитрился это сделать, пока она зажигала на столе свечи. Другого времени у него просто быть не могло, потому что все остальное время она смотрела на него.

На подоконнике под веткой обнаружилась коробочка, из которой Ада извлекла многолучистую рождественскую звезду на тоненькой серебряной цепочке. С тех пор как сын стал делать ей подарки — тоже лет с трех, если не раньше, — это всегда оказывалось что-то, исполненное вкуса.

— О, круто! — Федя тем временем распаковал оставленный для него под веткой же подарок. — Спасибо, ма!

Свои лыжные очки он разбил во время их последней поездки на лыжный курорт. Это было перед пандемией, и за два года он об этом, конечно, уже забыл, но Ада не забыла.

— И тебе спасибо, — сказала она. — Ты мой нежный и любимый мальчик.

Они ели, пили глинтвейн, разговаривали о Фединной учебе и однокурсниках. Редкость их встреч позволяла разговаривать о событиях, а не о чувствах, и таким парадоксальным образом разлука создавала у Ады иллюзию, будто ее близость с сыном не знает преград.

— Может, пойдём по городу погулять? — наконец предложил он.

— Конечно, — ответила Ада.

Она понимала, что ему быстро надоест сидеть за столом и неизвестная ей информация, на которой держится их разговор, не может не исчерпаться.

— Ты же еще не видела, как Москву к Новому году украсили, — добавил Федя.

Москву всегда украшали к Новому году замечательно. Но сейчас Аде не хотелось гулять по ней с сыном. Вернее, не хотелось говорить с ним о красоте новогодней Москвы. Он и так знает, что она может ему сказать, а ей дорого хрупкое равновесие, установившееся в их отношениях.

— Может быть, вместе поздравим бабушку и всех? — спросила она.

— Конечно. Вернемся и поздравим.

Доехали на метро до Театральной площади, вышли к Большому театру. Арки и огромные елочные шары из разноцветных лампочек, на ее взгляд, аляповатых, были здесь такие же, как по всему центру города, и прошлой зимой точно так же светились повсюду. Но фонтан перед театральными колоннами был украшен по-новому, с той утонченностью, которую ее сын чувствовал так же, как она.

Фонтан представлял собою многоярусную серебряную сцену, подсвеченную изнутри. Сияли на этой сцене легкие фигурки балерин, и принц из «Спящей красавицы», и фея Драже, и Щелкунчик. На

«Щелкунчика» они с Яном когда-то впервые повели Федю в Большой театр, специально приехав для этого в Москву перед Новым годом. Когда Ада спросила после спектакля, кто ему больше всех понравился в балете, ребенок не задумываясь ответил: крысы. Он любил животных, не боялся никаких и никакими не брезговал, и Ада думала, что он станет ветеринарным врачом или, может быть, биологом.

Прогулялись по площади, съели мороженое — Федя не боялся есть его на морозе так же, как Ада, ну да в Москве все его ели зимой, — фотографировали серебряный фонтан, попросили девчонку с зелеными волосами сфотографировать их у фонтана вдвоем... Федин телефон зазвонил у девчонки в руках, и, наверное, снимок получился смазанным.

По репликам «ага», «ну да», «ладно» трудно было что-либо понять, но Ада почувствовала его оживление и потому не удивилась, когда, убрав телефон в карман, он сказал:

— Мам, давай бабушке и всем прям отсюда позвоним, а? Им интересно будет Москву посмотреть.

Понятно, что возвращаться к праздничному столу он не собирается. Жаль, что не попробует десерт, но что поделать.

— Может быть, ты пригласишь ее ко мне? — все же спросила она.

— Кого — ее? Всю компанию?

Федя произнес это самым правдивым тоном, но ей было очевидно, что он пытается врать.

— На десерт я купила торт с лимонным кремом, — все-таки сказала она, хотя знала, что отменный аппетит не влияет на его решения.

— Ма... — Он посмотрел ей в глаза тем прямым светлым взглядом, который поразил ее когда-то в его отце и который она так любила в сыне. — Я не хочу ее звать на рождественский ужин.

— Почему?

Не надо было спрашивать, конечно, но слово не воробей, русская пословица точная.

— Для такой с ней близости нет оснований.

Он произнес это так, что ни спросить больше было нечего, ни возразить.

— Если ты зайдешь завтра, то лимонный торт будет тебя ждать, — сказала Ада. — Он ждал бы тебя сколько угодно, но боюсь, крем испортится.

— Звони бабушке, — поторопил Федя. — Вон там давай встанем. Чтобы фонтан был виден.

Вернувшись домой, Ада убрала недоеденные пушкинские блюда со стола в холодильник. Вряд ли Федя зайдет сегодня, но завтра — вполне возможно. Это был отдельный аттракцион дедова дома, доедание блюд с праздничного стола назавтра, и ее сын всегда это любил.

Она потушила свечи и убрала обрывки бумаги, в которую были завернуты подарки.

Ей совсем не хотелось, чтобы первое Рождество, которое она встречала с Яном, вспомнилось именно сейчас. Но она понимала, что это воспоминание обязательно явится во всей своей силе и приглушить его невозможно.

Глава 6

Здоровье у Ады было крепкое, и, строя какие бы то ни было планы, она никогда не учитывала такую возможность, как болезнь. И не какую-нибудь серьезную болезнь, которую все в большей или меньшей мере опасаются учитывать, а в молодости она не учитывается и сама собою, но даже самую обыкновенную ангину.

Ангина и свалила ее с ног за два дня до Рождества. Притом свалила в буквальном смысле слова: горло болело так, что боль отдавалась во всем теле, и температура поднялась такая, что подкашивались ноги и невозможно было выйти куда-нибудь дальше туалета.

Из общежития все уже разъехались по домам на рождественские каникулы, и Ада, конечно, тоже собиралась, но теперь не могла представить, как это осуществить. Аэропорт, багаж, рейс, посадочный контроль, полет до Лондона, электричка в Оксфорд, автобус в Клифтон-Хэмпден — у нее не хватило бы

сил даже на половину этих действий. Она чуть не потеряла сознание под душем, и недоставало еще грохнуть в обморок в самолете. Весной пустят скоростные поезда под Английским каналом и дорога до Лондона станет, наверное, проще и быстрее, но до весны еще дожить надо. Плаваясь в ангинном жару, Ада уже сомневалась, что ей это удастся.

В общем, пришлось давать маме телеграмму, что заболела и приехать не сможет. Дойти до уличного телефона, чтобы просто позвонить домой, Ада была не в силах, а телеграмму пообещала отправить с вокзала Элен, до комнаты которой она кое-как добрела. Элен уезжала на Рождество к родителям в Париж, и сочувствие ее могло поэтому выразиться только в готовности послать телеграмму и в том, что она сбегала в аптеку за лекарствами.

Лекарства не помогали, да это и не лекарства были, а травяные микстуры, которые продавались без рецепта. Сил, чтобы добраться до врача и получить рецепт на что-нибудь действенное, у Ады не

было тоже. Вдобавок она не знала, есть ли поблизости врачебная практика — за все полгода в Кельне у нее не было необходимости этим поинтересоваться. Вдобавок, если и есть, то скорее всего уже не работает, значит, надо искать дежурного врача, а где его искать, Ада не имела совсем уж ни малейшего представления. Оставалось только полоскать горло крепким соляным раствором. Эффект от этого маминого средства был ощутим минут десять, потом горло снова сжимало болью.

И она лежала в кровати, завернувшись в одеяло, сгорая в жару и трясась в ознобе, иногда открывала глаза, чтобы понять, день сейчас или ночь, понять этого не могла, потому что в глазах стоял туман и лишь пульсирующие вспышки, то и дело его разрывающие, позволяли разглядеть очертания каких-то предметов, в которых она с трудом узнавала стол, шкаф, дверь... Дверь Ада различила, правда, только когда она открылась. Пробежал по полу холодок из коридора, мелькнул чей-то силуэт, раздались какие-

то слова, их смысла она не поняла, только тон, тревожный...

— Что с тобой?

Это было произнесено по-английски, то есть уже понятно. Но понятнее слов, и тона, и даже смысла этих слов было то, что она почувствовала. Ладонь, легшая на ее лоб широкой прохладой. Лицо — сначала над нею, а потом прямо у нее перед глазами. Разлет бровей. Ясность обращенного на нее взгляда. Туман в ее глазах развеялся от этой ясности, пульсирующие вспышки прекратились.

— У меня ангина... кажется... — с трудом проговорила Ада.

— Что значит «кажется»? У тебя температура за сорок! Давай-ка в больницу срочно.

Она хотела сказать, что не дойдет до больницы, тем более срочно. Но, похоже, Ян и не ожидал от нее марш-броска. Он взял ее на руки вместе с одеялом и понес к двери.

Все, что она видела вокруг себя, все простые предметы вроде вешалки для одежды в прихожей,

лестничных ступенек, велосипедов у входа в общежитие, — казалось ей нереальным, странным. И лишь то, что она покачивается на руках Яна и ее голова лежит у него на плече, казалось таким естественным, будто подобное происходило с нею каждый день.

Ян шел на угол Дюренерштрассе — там обычно стояли такси. Свежий снег скрипел у него под ногами, этот скрип далеко разносился в вечерней тишине, в морозном воздухе. А она и не знала, что выпал снег. И давно уже не слышала такой пронзительной тишины.

— Но ведь Рождество... — пробормотала Ада.

Она хотела сказать, что сегодня Рождество и такси, наверное, на углу не будет, но не смогла произнести эту фразу полностью.

— Такси видел, когда с вокзала шел, — сказал Ян.

— Может, не уехало еще. Да, вот оно. Повезло нам.

— Мне повезло... — выговорила Ада.

— Мне тоже. Боюсь, не обрадовался бы, обнаружив тебя уже в виде трупа.

Он чуть сильнее прижал ее к себе при этих словах, словно извиняясь за них. Она попыталась засмеяться, но вместо смеха получился всхлип, неуместно жалобный.

В приемном отделении университетской клиники было так много людей, что Ада подумала, до ночи не дождется своей очереди. Но врачи довольно быстро решали, кому помощь нужна неотложно, и на ее счет, наверное, решили именно это. Минут через пятнадцать она уже лежала в процедурной комнате на каталке, в ее вену вливался из капельницы раствор, жаропонижающий и обезболивающий, а пот при этом выливался из каждой поры ее кожи в таком количестве, что стала мокрой и пижама, и волосы, и даже, кажется, пятки.

Облегчение, наступившее через полчаса, было просто неопишимо. Ни тумана перед глазами, ни пульсирующих пятен, ни ломоты во всем теле — что за счастье!

— Нам важно было поскорее снизить температуру, — объяснил врач, подошедший к каталке, когда

капельница закончилась. — Завтра мы точно пойдем, в чем дело и как вас лечить. Насколько я могу судить по экспресс-анализу крови, серьезной угрозы нет. Но, сожалению, рождественскую ночь вам придется провести в палате.

— Благодарю, доктор, — сказала Ада. — Я испытываю такое облегчение, что ночь в палате меня не пугает.

Доктор пожелал счастливого Рождества и ушел.

— Да уж ты не из пугливых, — заметил Ян. — К сожалению.

— Почему к сожалению? — удивилась она.

— Неплохо бы тебе было вовремя испугаться. Пока кровь сворачиваться не начала от жара.

— А у меня начала сворачиваться кровь?

— Почти. Но это в прошлом, можешь забыть. — Он улыбнулся. — Ну что, поехали в палату?

От того, что спала температура, к Аде вернулась способность адекватно воспринимать происходящее. Она наконец поняла: хоть появление Яна в ее

комнате и показалось само собой разумеющимся, однако это вовсе не так.

— Но ведь ты был в Гамбурге, — сказала она.

Невпопад сказала, конечно. В Гамбург он уехал еще летом, на следующий день после того как Ада стала его соседкой, и должен был провести там один семестр, так что не было никаких причин, по которым он не мог бы вернуться в Кельн именно в Сочельник. И непонятно, почему его появление кажется ей сейчас чем-то вроде восхода рождественской звезды.

— А какая разница? — Он пожал плечами. — В Гамбурге оставаться, в Кельн вернуться... — Бесприютность мелькнула в его глазах, но тут же сменилась ироничностью, которая вообще была ему свойственна, как Ада успела понять еще перед его отъездом, за время своего краткого с ним общения. — Хотя, выходит, в Кельн вернуться мне было правильнее.

— Я тебе очень благодарна, — сказала она. — От такой высокой температуры я совсем не сознавала, что умру, может быть.

— Не может такого быть.

Его ироничность как ветром выдуло. Он толкал каталку перед собой и смотрел ей в глаза. Ада не поняла, почему он так серьезно отнесся к ее словам.

— Но ведь любой человек может умереть от болезни, — сказала она.

— Вот любой пусть и умирает. А тебе не надо.

— Я не буду. — Ада улыбнулась. — Ведь ты меня уже спас.

Он расхохотался так, что медсестра, ожидающая у открытой двери палаты, удивленно взглянула на него.

— Извините, — сказал Ян. — Моя подруга может сказануть такое, что трудно не засмеяться.

— Она будет в палате одна, пока не привезут кого-нибудь срочно, — сказала медсестра. — И вы можете побыть с ней. Если хотите, конечно.

— Но... — начала было Ада.

Ян незаметно сжал ее пятку — помалкивай, мол,
— и ответил:

— Конечно, хочу.

— Но сегодня Сочельник, — сказала Ада, когда он вкатил ее в палату.

— И что?

— И зачем же тебе праздничный вечер в больнице...

— Не видала ты больниц, — усмехнулся он. — Эта, считай, дворец. И шампанское есть, так что отпразднуем.

— Где есть шампанское? — не поняла Ада.

Вместо ответа он вынул из-за пазухи бутылку. Она была маленькая, потому и поместилась во внутреннем кармане его куртки.

— О боже! — воскликнула Ада.

— Как раз на два бокала, — сказал Ян. — Хоть и не шампанское, а просекко, но все-таки лучше, чем ничего.

— Откуда оно у тебя?

— На вокзале купил. У нас положено шампанское. Правда, на Новый год положено, но и Рождество приплюсуем.

— У вас дома? — уточнила она.

— У нас в России. Ты располагайся пока, а я отвезу каталку и поищу закуску.

Располагаться не было необходимости — Ян привез Аду в больницу в пижаме и босиком. Она забралась под одеяло, подбила подушку повыше. Температура спала, но слабость охватила ее. Откинувшись на подушку, она поняла, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

Наверное, это было слишком заметно. Во всяком случае, вернувшись, Ян сразу спросил:

— Плохо тебе?

— Я просто ослабела, — ответила она.

— А горло болит?

— Это не та боль, которую нельзя потерпеть.

— Ну да, англичане вообще стоики, — хмыкнул он. — Джона Кирби знаешь? На третьем этаже в общежитии у нас живет. Всю зиму в футболке ходит, даже в дождь и ветер, и хоть бы что ему.

— У нас часто дождь и ветер, — улыбнулась Ада.
— Мы не очень обращаем на это внимание.

— Да уж по тебе заметно, — усмехнулся Ян. — По ангине твоей. Без шарфа ходила, наверное.

Она вспомнила, что в самом деле ходила без шарфа всю последнюю холодную неделю, и ответила:

— Наверное, я простудилась потому, что у меня совсем нет английских генов.

— А какие они у тебя?

— Мой отец француз иранского происхождения.

— О, так это от него у тебя глаза такие? И волосы тоже.

— Думаешь, у иранцев черные глаза? Часто совсем нет. У моего отца, во всяком случае, желто-зе-

ленные. А у меня глаза и волосы, как у мамы. Ее привезли в Англию, когда ей было одиннадцать лет. Она не знает, какие у нее гены.

— Звучит загадочно.

— Так и есть.

— У меня все проще: отец поляк, мать рязанская.

Рязань — это город в центре России, — уточнил Ян.

— Из русских русский. — И спросил: — Слушай, а Рождество — оно вообще когда? Новый год, понятно, в двенадцать ночи приходит. А Рождество?

— По-моему, оно не приходит, а просто настаивается в тишине, — ответила Ада.

— Настаивается?

— Так моей маме в детстве говорила одна францисканка. Что за время от рождественского Сочельника до Дня Трех королей должно настояться все, что есть в душе. Как вино настаивается, чтобы приобрести свои главные качества.

— Францисканка — это монахиня? — спросил Ян.

— Да.

— А мои в детстве атеистами были. Мать — та и до сих пор. Отца, правда, при рождении вроде бы крестили. Ну, он так думает, потому что, говорит, трудно представить, чтобы поляки этого не сделали. Но и он не то чтобы верующий. Так — наверняка что-то есть, говорит. Как все художники.

— Он художник? — заинтересовалась Ада. — А как его зовут?

— Теодор Левандовский. В Париже живет.

— А я знаю его картины!

Она даже на локтях приподнялась, но, правда, тут же упала на подушку снова.

— Да, он известный, — кивнул Ян.

— Это мало сказать.

— Слушай, давай уже выпьем, а? — напомнил он.
— А то Рождество длится, а мы ноль внимания. Пить, правда, из чашек придется. И на закуску только йогурт.

— Где ты его нашел? — спросила Ада, глядя на две розовые коробочки, которые он поставил на тумбочку у кровати.

— В холодильнике на кухне.

— Но, может быть, этот йогурт чей-нибудь?

— Не волнуйся. Холодильник такой, знаешь, вроде продуктового автомата, но бесплатный. На случай, если кто-нибудь ночью проголодается.

Она поняла, как глупо в нем сомневаться. Невозможно представить, чтобы он в чем-нибудь ошибся. Он даже бутылку открывает так, что это простое действие выглядит завораживающе.

Аде стало неловко так пристально следить за каждым его движением, и она сказала:

— Я много раз вспоминала, какой обед ты приготовил в мой первый день в Кельне.

— Еще сто раз приготовлю. — Ян улыбнулся, глядя ей в глаза тем взглядом, который она вспоминала гораздо чаще, чем обед. — Ты живая, это главное. Выздоровеешь — откормлю тебя, как рождественскую гусыню. С Рождеством!

И, легонько звякнув своей чашкой о ту, которую дал ей в руки, выпил просекко одним глотком, как водку.

— С Рождеством! — Ада тоже выпила все содержимое своей чашки сразу. — Думаю, это лучшее Рождество в моей жизни. Ты сделал его таким.

Может быть, она так легко произнесла это оттого, что просекко мгновенно ударило в голову, может быть, от природного прямодушия, которое мама считала ее недостатком, — Ада не понимала. Но понимала, от какого чувства Ян взял ее руку, поднес к своим губам и сказал:

— И в моей. И ты.

Глава 7

Никогда она не уезжала из Гармиш-Партенкирхена с таким тяжелым чувством. Братья поставили ее на горные лыжи в три года, с тех пор Ада каталась каждую зиму и это каждую зиму заряжало ее бодростью. Даже когда однажды сломала руку, это не повредило общему впечатлению. А Гармиш был любимым ее курортом, и Фединым тоже, последние несколько лет они ездили именно сюда. И отчего вдруг кажется, будто нависает какая-то тяжесть, и не нависает даже, а буквально лежит на плечах?

Хотя, может, удивляться этому не стоит. Все дело в том, что Федя категорически отказался провести остаток каникул в Бонне, сказав:

— Двух недель в Германии мне хватит, полечу домой.

Он предупредил об этом еще в Москве, когда Ада бронировала билеты, так что скорое расставание с ним не было для нее неожиданностью. Но, приближаясь, угнетало все сильнее.

Его самолет в Москву вылетал раньше, чем она уезжала поездом в Бонн. Посадив сына в автобус, отвозящий туристов в аэропорт, Ада оставила свои лыжи в вестибюле отеля и, выйдя на улицу, пошла вдоль домов, украшенных фресками с библейскими и крестьянскими сценами.

Солнце, две недели сиявшее в чистом синем небе, не пробилось сегодня сквозь плотные низкие облака. Ей показалось, что суровая лаконичность гор предстает в этом заоблачном свете прямой своей сутью. Она любила такие дни, и, конечно, не в металлической суровости пейзажа и света была причина ее нынешней печали. Да и не печалью называлось то, что камнем лежало на сердце.

«Он просто вырос, — думала она, вспоминая, как Федя поцеловал ее у автобуса, какая рассеянность, даже снисходительность была в его быстром поцелуе. — Он в любом случае отдалился бы от меня, это естественный процесс, так у всех».

Но, сознавая логику своих рассуждений, Ада не могла избавиться от ощущения странности, убийственной странности того, что Фебина жизнь идет так отдельно от ее жизни, и эта отдельность не только географическая, и на самом-то деле невозможно считать ее естественной.

Она не была дома два месяца, и возвращение, несмотря ни на что, наполнило ее сердце покоем или чем-то заменяющим покой. Ее улица Аугуста-штрассе, и днем тихая, к вечеру становилась просто беззвучной, наливаясь этим покоем до краев, то есть до крыш.

На столбик калитки была надета маленькая перчатка, красная с зелеными пальчиками. Семилетняя Каришма вечно теряет перчатки, шарфы, шапки, она на редкость рассеянная в быту, но на редкость же собранная в учебе. Ада занималась с ней немецким языком, и это качество соседской девочки отлично было ей известно. Она сняла перчатку со столбика и, войдя в дом, прицепила к ручке двери на цоколь-

ном этаже. Мама Каришмы встанет рано, как всегда, обнаружит перчатку вовремя, и девочка надеет ее в школу. Семья Баччан живет так стесненно, что необходимость купить новые перчатки для одной из пяти дочерей оказалась бы, наверное, ошутима. Год назад мама Каришмы была потрясена предложением позаниматься с ее дочкой бесплатно, хотя сама Ада ничего потрясающего в своем предложении не находила.

Из-за двери Баччан доносились все звуки, из которых состоит жизнь большой семьи — детский смех и плач, музыка, звон бьющейся посуды и веселые вопли. Но чем выше Ада поднималась по деревянной лестнице, тем глубже погружалась в тишину. А в ее мансарде не было слышно уже ни единого внешнего звука.

Когда-то она любила, чтобы с улицы доносился шум большого города, потом он стал ее угнетать, теперь она не замечала ни шума, ни его отсутствия. Все это последовательно происходило в разное

время ее жизни, отмечая перемены, происходившие в ней самой.

Она включила отопление и, пока квартира согревалась, вышла из кухни на террасу, устроенную на козырьке нижнего этажа. Вдоль перил были расставлены горшки с карликовыми деревьями, на перилах висели кашпо, в которые она каждый год сажала цветы-однолетки. Если уезжала летом или весной, то включала систему искусственного полива, которую ее сестра присоединила к компьютеру с программой, сестрой же и написанной. Но зимой полив был не нужен и уезжать можно было надолго.

Когда-то ей было все равно, как устроен быт — чисто, и хватит. Ян сердился, доказывал, что это совсем не все равно, и добился наконец, чтобы она любила гармоничную повседневность. Но потом все равно оказалось, что это не имеет значения.

В Ниппес они переехали через два месяца после Рождества. Ян спросил, в каком районе Ада хотела бы жить, она ответила, что знает Кельн хуже, чем он,

а потому предоставляет выбор ему. Собственно, и сама идея снять квартиру была его — Аде было хорошо и в двух их общежитских комнатах. Говорить ему об этом она не стала, но он и сам догадался.

— Ты не волнуйся. — Наклонившись, Ян поцеловал ее с той быстрой лаской, от которой у нее замирало сердце. В темноте поцелуй пришелся в висок. — На квартире мешать тебе не буду. — И прежде чем она успела сказать, что он и сейчас ей не мешает, и она не опасается этого в дальнейшем, добавил: — Просто хочу засыпать и просыпаться в общей с тобой постели.

Его силуэт в пролете открывшейся двери был совершенен как жизнь. Но дверь закрылась, и он исчез. Каждый раз, когда это происходило, Ада и сама не понимала, зачем им засыпать и просыпаться порознь, на узких кроватях, разделенных стенкой.

Выбор района для жизни оказался точным. Впрочем, Ада уже успела понять, что точным оказывается любой выбор, который делает Ян. На улицах Ниппеса всегда былолюдно, всегда кипела жизнь, и

многие соседи были между собой знакомы. Она любила такое сочетание вводных условий.

Дом, в котором сняли квартиру, был похож на старый кораблик — со скрипучей деревянной лестницей, с такими же, как эта лестница, потолочными балками черного дерева, с деревянной же мебелью в кухне, со множеством ночных скрипов и шорохов в стенах. Происхождение этих шорохов — в дедовом доме они были точно такие же — всегда являлось для Ады загадкой, а Ян, когда она ему об этом сообщила, пожал плечами и сказал как о само собой разумеющемся:

— Это полтергейсты. Привидения.

— О боже, я так надеялась не услышать этого хотя бы от тебя! — засмеялась Ада.

— А от кого ты это уже слышала? — заинтересовался он.

— От моих братьев. Когда мы приезжали в дедов дом на Рождество, они всегда рассказывали мне на ночь, какие звуки издают привидения. Моя сестра их ругала и говорила, чтобы я им не верила, что это

просто мыши бегают в стенах, а мышей ведь я не боюсь. Но я потом все равно прислушивалась к стукам и скрипам и полночи дрожала под одеялом.

— А потом? В следующие полночи?

— А потом мне удавалось убедить себя в том, что права сестра, а не братья, и я засыпала. Но что это были за звуки, осталось для меня загадкой. В дедовом доме жила кошка и мышей не было совсем. Да если бы и были — мыши ведь шуршат, а не стучат и тем более не выстукивают.

— Азбукой Морзе?

Глаза Яна откровенно смеялись, это было видно даже в полутьме. Ада улыбнулась тоже.

— Я потом специально изучила азбуку Морзе, — ответила она. — Таких сигналов, какие слышались в дедовом доме, в этой азбуке нет.

— Точно полтергейсты, — кивнул Ян. — А что ты плечами пожимаешь? У отца в квартире они банки из шкафов выбрасывали. Он однажды в Ленинграде

квартиру снимал, и его тогдашняя жена огурцы-помидоры консервировала. В стеклянных таких трехлитровых банках, знаешь?

— Не знаю, но догадываюсь, как они выглядят.

— И вот он своими глазами видел: ночью дверца шкафа открывается — в коридоре большой стенной шкаф был — и оттуда вылетает банка. Горлом вперед, как пушечный снаряд. Потом вторая, потом третья. И разбиваются, заметь, не об пол, а о противоположную стену. На куски разлетаются.

При этих его словах редкие стуки, раздававшиеся в стене у изголовья кровати, сменились стуками частыми и быстрыми, как пулеметная очередь.

— Ты нарочно меня пугаешь? — спросила Ада почти жалобно.

— Как было, так рассказываю. Зачем бы мне тебя пугать?

— Думаю, затем, что ты хочешь, чтобы я закрыла глаза и уткнулась носом тебе вот сюда.

Она закрыла глаза и, приподнявшись на локте, уткнулась носом ему под подбородок.

— Этого я хочу всегда!

Он подхватил ее подмышки и положил себе на живот. Теперь она уткнулась в него не носом, а вся — во все его прекрасное сильное тело, в каждую мышцу. И сразу почувствовала, что он уже ласкает ее, тоже всем телом и каждой мышцей, и сразу ответила ему — ногами, обвившимися вокруг его ног, животом, прижавшимся к его животу, грудью, губами... И губами же услышала слова, которых она не понимала, но смысл которых был ей так ясен, как будто русский был ее родным языком.

Это было в их первую ночь в их первой общей квартире. Они уснули только под утро, но всего через несколько часов Ада встала с такой ясной головой и с таким ощущением бодрости, словно проспала ночь напролет, и не в комнате, окна которой выходят на довольно шумную городскую улицу, а где-нибудь у лесного озера.

Ян спал этим воскресным утром долго, и она не стала завтракать без него, только выпила стакан яблочного сока. А потом, когда он появился в кухне и

с обычным своим аппетитом принялся поедать яичницу, которую Ада сразу поджарила, и тосты, и все, что можно было на тосты положить, — сказала:

— Я взяла курс русского языка. Буду иногда просить тебя мне помочь, ладно? А когда немного выучусь, то начнем говорить по-русски дома.

— Зачем? — удивился он. — Тебе непонятен мой английский? Можем по-немецки говорить — будем на равных.

— Мне понятен твой английский и твой немецкий, — ответила Ада. — Но я хочу понимать тебя совсем. Все, что ты говоришь и чувствуешь.

— Да? — В его взгляде мелькнуло сомнение. — Думаешь, курсы этому помогут?

— У меня хорошие способности к языкам, — заверила она. — Мама считает, что почти как у ее родителей. Думаю, это преувеличение — моя бабушка свободно знала три языка кроме английского, а дед был полиглотом. Но вообще-то я уже знаю некоторые русские слова и выражения.

— От меня? Хм, а я иногда резковато выразился... Если захочешь на людях повторить, сначала со мной проконсультируйся.

— Я узнала не от тебя, а раньше, — объяснила Ада. — Когда бабушка и мама хотели, чтобы дети не понимали, о чем они говорят, то переходили на русский. Ненадолго, только на несколько фраз.

— Так они русские, что ли? — удивился Ян. — А что ж тебя языку не учили?

Ада пожала плечами:

— Не хотели.

— Почему?

— Причину я не понимаю, но догадываюсь о цели, — засмеялась она. — Чтобы можно было говорить о том, что мне, по их мнению, еще рано было знать. У нас в семье вообще много архаичных привычек. Но и экстравагантности тоже много.

— Ну, для англичан это нормальное сочетание, — заметил Ян.

— В общем, я буду тебе благодарна, если ты мне немного поможешь, — заключила Ада.

— Я помогу сколько ты захочешь.

Он положил на тарелку недоеденный тост. Ада всегда знала, что, в отличие от него, она не интуитивна. Но желание было в его взгляде таким очевидным, что и интуиции не требовалось. Она поставила кофейную чашку на блюдце и, обойдя стол, села на колени к Яну, своими коленями сжала его бедра. Ей нравилось надевать по утрам его рубашку, которая на ней напоминала халат с длинноватыми рукавами. Под этой рубашкой не было сейчас ничего.

Она увидела, как дернулось его горло. Он расстегнул джинсы, обнял Аду и прижал ее к себе, вплотную к животу. В открытое окно веяло прохладой, но жар желания высушил его губы так, что они легонько царапали ее губы, шею, грудь, когда он стал ее целовать.

Секс и любовь соединялись так полно и цельно, что невозможно было различить, какое движение и слово диктуется телом, какое сердцем. Да у них и в мыслях не было разделять — они были счастливы друг с другом безраздельно. Ада понимала, что эта

безраздельность позволяет ей понимать каждое слово, которое он произносит в жару желания, а ему отвечать на каждую просьбу, которую она высказывает без слов, одними только движениями, прикосновениями, поцелуями. И в горячих судорогах, которыми все это завершилось, любви было так же много, как телесного удовлетворения.

Глава 8

— А ты приезжай. У нас уже весь парк в крокусах. Весна, хоть и февраль.

Зря она это сказала, конечно. Не трудно было догадаться, что услышит в ответ.

— Занятия начались, ма. Деканат пропуски отмечает, как же я поеду.

Ответ прозвучал дипломатично. Мог бы просто сказать «не хочу». Сын хорошо воспитан. Велика ли в этом ее заслуга, неизвестно.

— Лучше ты приезжай, — предложил Федя. — Первый день весны отметим. В Москве уже мишленовские рестораны есть, между прочим.

Ада рассмеялась.

— Ты так говоришь, будто я как-то специально отмечаю первый день весны, и исключительно в мишленовских ресторанах!

— Ну, не всегда, конечно...

Она тут же поняла, что и этого говорить не стоило. Именно в мишленовском парижском ресторане они однажды отмечали первый день весны. Феде было тогда пять лет, но он помнит себя очень рано и тот день, не исключено, помнит тоже, потому что день тот был счастливым.

— К первому дню весны я уже, возможно, выйду на работу, — сказала Ада. — И тогда мои пропуска тоже будут отмечаться.

— Нашла что-то подходящее?

Интерес в его голосе был живой и искренний. Как всегда у него, как весь он.

— Возможно, — ответила она. — И знаешь... Возможно, это будет связано с исследованиями по истории.

— Мам, но это же очень хорошо. — Его голос дрогнул. — Ты же и мечтала.

Мечтала — это, конечно, слишком сильное слово, но она в самом деле хотела вернуться к тому, чему училась в юности и чем предполагала заниматься всю жизнь.

— Собеседование будет двадцать четвертого февраля, — сказала Ада.

— Так это ж завтра уже!

— Ага.

Она улыбнулась тому, что машинально произнесла слово, которое ее ребенок обычно произносит вместо «да».

— Так ты готовься, — деловито посоветовал ребенок. — Про что тебя будут спрашивать?

— Не знаю, но готовлюсь.

— Давай! После собеседования позвони.

— Конечно.

Простившись с Федей, Ада поднялась со скамейки и пошла через парк мимо пруда. Крокусы в самом деле уже цвели лиловой россыпью, и небесная синева, и ясный свет, и сердечная бодрость — все было уже совсем весеннее. Здесь, в курортном парке Бад-Годесберга, это чувствовалось особенно. Фонтаны еще не были включены, но солнечные пятна уже плясали по дну не заполненного пруда, и

юность не казалась далекой, и слово «мечта» — слишком сильным.

Она шла и думала о каких-то простых и серьезных вещах. Что форзиция цветет уже вовсю, яркая, как лимонная кожура. А крокусы скорее всего еще вымерзнут из-за ночных холодов, но сразу же зацветут новые, и нарциссы тоже, а когда распустятся и тюльпаны, то весна уже станет совсем настоящая. Что нильские гуси скоро выведут гусят, и те будут цепочкой прогуливаться по парку, а гусыня будет шипеть на каждую проходящую мимо собаку, хотя бад-годесбергские собаки даже и не думают на ее гусят покушаться. Что сакура в этом году наверняка расцветет раньше обычного, и люди будут проходить под ее розовыми буйными кронами с каким-то благоговейным почтением, потому что это каждый год повторяющееся краткое цветение каждый же год кажется чудом.

Да, она давно уже поняла серьезность таких мыслей. Это понимание радовало ее и пугало одно-

временно. Может быть, просто старость приближается, оттого и начинаешь довольствоваться прекрасным малым?

Машину Ада оставила возле Маленького Театра. Он действительно был маленький, просто домик для гномов, уже сто лет стоящий под высокими кедрами. Она любила этот театр — зрительный зал в нем тоже был маленький, атмосфера совсем домашняя, а играли актеры так страстно, что воздух искрился от их темперамента.

Первый раз она была здесь еще с Яном — приезжали из Кельна. К театру он был равнодушен, но к ней равнодушен не был и откликался на ее, как он это называл, досуговые идеи. Что смотрели, Ада теперь уже не помнила, но помнила, как возвращались домой по ночному шоссе, смеялись каким-то остроумам из спектакля, она пыталась напеть песенку из него же, но слух у нее был тот еще, и Ян наконец напел эту песенку сам, легко и точно, как всегда. Он только что купил тогда свою первую машину, поддер-

жанный «Опель», Ада положила руку на рычаг передач поверх его руки и всю дорогу чувствовала ее силу и свободный покой.

Все, из чего состояла их жизнь в общежитии, перекочевало в квартиру в Ниппесе. Она думала, что образ их жизни хотя бы немного переменится, но он не менялся совсем. Точно так же заходили друзья, в основном русские или украинцы, которые проводили вечера в комнате у Яна, когда они все вместе жили в общежитии. Точно так же ночевали время от времени какие-нибудь его приезжие знакомые или знакомые этих знакомых. Точно так же водка лилась рекой. Все это, может, было бы для Ады слишком утомительно или даже раздражающе, но она всегда могла уйти в свою комнату и уходила, если понимала, что с нее хватит, и никто не беспокоил ее там, как Ян и пообещал.

Как во всем этом существует он сам, она не понимала, но способность к самоорганизации у него была какая-то сверхъестественная. Мог провести вечер с приятелями, неожиданно явившимися

прямо из Амстердама с запасом марихуаны, потому что они решили завершить свой трип в их квартире и здесь же переночевать, — а утром встать чуть свет под холодный душ, выпроводить вчерашних гостей, выйти на работу без опоздания и, Ада не сомневалась, работать со всей собранностью, которая была ему присуща.

— Из всех наших русских друзей ты единственный приспособлен для того, чтобы здесь жить, — говорила она. И уточняла: — Здесь, в Германии.

— Но живут же и остальные как-то, — пожимал он плечами.

— Именно как-то. В который раз Олег переносит свои выпускные экзамены?

— Ну-ну, — улыбался Ян, — не ворчи, как старушка.

— Но ведь это правда, — упрямылась Ада.

— Что ты старушка? Неправда.

И она смеялась, как он и хотел, и говорила:

— Я не знаю другого такого, как ты!

— А хотела бы знать?

И подхватывал ее на руки, начинал целовать, переносил на кровать, и Ада отвечала ему то, что он знал и так — что она не хочет знать никого другого, потому что он ее единственный мужчина и заполнил все пространство, которое мужчина может заполнить в ее жизни. А может и большее пространство он заполнил. Понимание этого наполняло ее то рас-терянностью, то счастьем.

Она думала, что после бакалавриата Ян пойдет в магистратуру по экономике, но он сказал:

— Нет. Я же, в отличие от тебя, не то чтобы очень поучиться люблю. Бакалавриата мне достаточно. Хочу нормальную работу и нормальную зарплату.

— Нормальную — это какую? — поинтересова-лась Ада.

— Нормальную — это большую, а через какое-то время, желательно недолгое, очень большую. Для меня — так.

— Может, в таком случае тебе лучше заняться бизнесом? — спросила она.

— Может и лучше. Но я же прагматичный, ты знаешь. Для бизнеса нужен начальный капитал, а у меня его нет.

— Наверное, начать бизнес в Англии было бы для тебя проще... — задумчиво проговорила Ада. — Во всяком случае, Эдгар считает, что возможностей у нас там больше, чем в Европе.

Брат действительно говорил что-то такое, но она не особенно вслушивалась, потому что бизнесом заниматься не собиралась.

— Как в вас это сидит! — хмыкнул Ян. — Что Англия не Европа.

— Я это сказала машинально, ничего такого во мне не сидит, — пожала плечами Ада. — Вернее, я об этом совсем не думаю, это вообще не имеет для меня значения.

— А что имеет?

— Что если ты действительно хочешь начать бизнес, то тебе стоило бы сделать это в Англии.

— Милая, ну что ты ерунду говоришь? — поморщился Ян. — Кто меня туда пустит, тем более бизнес

начинать? У меня и немецкая виза через год закончится. Если за это время постоянную работу не найду, вышибут на родину. Вот уж этого мне точно не хотелось бы.

— В Англию тебя пустили бы...

Она замолчала.

— Если бы что?

Ян прищурился. Широкий росчерк бровей стал резким, будто его ножом провели. Глаза тоже блеснули, как лезвия ножей.

— Но я... — Ада растерялась. Она впервые почувствовала, что не может прямо сказать ему то, что считает нужным. — Но ведь я могла бы тебе помочь, — опустив глаза, пробормотала она.

— Я не хочу, чтобы мне помогала женщина. — Эти слова он тоже будто ножом отрубил. — Я тебя люблю и когда-нибудь попрошу, чтобы ты вышла за меня замуж. Но не раньше, чем смогу дать тебе больше, чем ты можешь дать мне.

— Ты думаешь, это должно быть между нами так?

Она подняла на него взгляд.

— Не знаю, как должно быть. Но для меня это так. — Он помолчал и добавил: — Прости.

— За что простить?

Вместо ответа Ян обнял ее и, притянув к себе, тихо проговорил:

— Я правда хочу, чтобы ты была моей женой. Хотя с моей стороны это и сейчас уже так.

— С твоей стороны я тебе жена? — Она чуть слышно засмеялась от того, что его дыхание щеко-тало ей ухо. — А с моей?

— А с твоей — как скажешь.

Он тоже улыбнулся. В голосе снова проступила любовь. Ада вздохнула с облегчением.

— Я скажу, — шепнула она. — Скажу, как только ты спросишь.

И жизнь их покатила дальше тем счастливым ходом, который начался в больничной палате на Рождество, а вернее, еще в общежитской кухне, когда он спросил, не перейдет ли Ада к нему на раскладушку.

Глава 9

Что она любит учиться, Ян понял правильно. И немудрено было понять: Ада проводила время над книгами с полным самозабвением. Конечно, она была последовательна в любом своем занятии, но все-таки не это побудило ее и выбрать магистратуру в Германии, и сидеть теперь допоздна в библиотеке или в архиве, забывая обо всем кроме того мира, который открывался на страницах книг и старых документов. То, что она при этом чувствовала, не называлось азартом и тем более удовольствием. Наоборот, взаимодействие с этим открывающимся ей миром было нерадостным и даже тягостным. Но Ада была готова к тому, что сила, побуждавшая людей к поступкам чудовищным и роковым, могучая сила, воздействовавшая на человеческий разум и заставлявшая замолкать совесть, будет выглядеть именно так.

Ян считал ее научные интересы странными.

— Далось тебе все это, — говорил он, когда Ада рассказывала ему о том, как менялись взгляды немцев на расовые законы, или какой процент населения был уверен в победе рейха в последний месяц войны. — Это же темное прошлое, притом не твое. — Но тут же и добавлял: — Хотя, с другой стороны, материала по твоей теме много, магистерскую будет проще написать.

Его слова избавляли ее от необходимости объяснять причины и сообщать подробности своих занятий. Ей и самой эти причины были не очень понятны, и кроме впечатлений от того, что она обрывочно слышала в детстве, сослаться было не на что.

На магистратуру Ада получила стипендию, а потом нашла еще подработку в маленьком аукционном доме, которому требовался сотрудник для демонстрации лотов публике. Про эту ее несложную работу Ян говорил:

— Может, на ней и сосредоточишься? Приятнее же таскать по залу всякие красивые штуки, чем анализировать, почему пятьдесят лет назад люди превращались в людоедов.

Она часто не понимала, как относиться к подобным его словам, и прагматизм такого рода казался ей слишком странным, чтобы воспринимать его всерьез, поэтому она предпочитала считать это шуткой.

В аукционном доме и случилась история, которая воздействовала на нее так сильно, что не следовало удивляться, когда это через довольно длинную цепочку мыслей, чувств и событий изменило ее жизнь.

Настроение у нее в тот день было просто отвратительное, потому что они с Яном поссорились. Это и не ссора даже была, а какой-то непонятный спор неизвестно о чем — когда цепляются друг за друга доказательства неизвестно чего и, главное, неизвестно ради чего. Он хотел, чтобы они вместе поехали куда-то за город в большой торговый молл,

чтобы купить какой-то стеллаж с какими-то особыми полками, она считала, что это займет целый день и незачем тратить на это выходной, потому что стеллаж можно купить и в городе, если вообще есть необходимость его покупать, а она такой необходимости не видит, он сердился, что из-за ее равнодушия к нормально устроенной жизни вынужден заниматься такими вещами сам да еще и объяснять, зачем это нужно...

Из-за всего этого Ада пришла на работу отчасти сердитая, отчасти рассеянная и на вопросы своей напарницы Доротее отвечала односложно. Доротея и в обычные-то дни казалась ей слишком назойливой, а под смуту, творившуюся в душе, и вовсе была невыносима. Когда та в конце концов обиженно фыркнула и перестала приставать с ни для чего не нужными расспросами, Ада вздохнула с облегчением.

На аукцион был среди прочих лотов выставлен большой столовый сервиз мейсенского фарфора. Он состоял из такого количества предметов, что Ада

с Доротеей поочередно выносили все эти тарелки, кабаретницы и супницы просто бесконечно. Ада все делала сегодня механически, поэтому, услышав грохот у себя за спиной, не сразу поняла, что случилось, а из-за того, что держала в руках большой поднос с тарелками, даже и обернулась не сразу. Когда же все-таки обернулась, то увидела остолбеневшую Дороти с растопыренными руками и грудю осколков у ее ног. Это супница как раз и была — огромная, с причудливым декором и нежным цветочным рисунком.

Собирали осколки, снимали лот с аукциона, составляли акт — все это длилось так долго, что Ада вышла на улицу позже обычного. Февраль был влажный и дождливый, изморось окружала фонари колеблющимися световыми ореолами. Она шла к трамвайной остановке и думала, продлится их с Яном размолвка или сойдет на нет сама собою. Ей хотелось, чтобы сошла, но она знала, что само собою в жизни мало что происходит, и решила уже, что согласится с потерей времени на покупку, которую

считает бессмысленной, но как только так решила, сразу же и поняла, что неискренность ее согласия обязательно скажется на их с Яном отношениях, выпрыгнет неожиданно, как всегда выпрыгивает обман... Или зря она считает обманом простой бытовой компромисс, естественный в совместной жизни?..

— Ты даже не высказала мне сочувствия! — вдруг услышала Ада.

Это напоминало то, как услышала она грохот разбивающегося фарфора — тоже у себя за спиной и тоже не в такт ее мыслям.

Доротейя шла вслед за ней так быстро, что пряди волос взлетали над ее головой, как у Горгоны. Ада почувствовала если не стыд, то некоторую неловкость: она в самом деле ничего не сказала Дороти. Конечно, из-за своего сегодняшнего состояния...

Нет, не только из-за этого. Ада никогда не испытывала ни горя, ни даже краткого расстройтва из-за потери чего бы то ни было предметного — вещей, денег. Неважно, кто терял, сама она или кто угодно

другой, ее это в любом случае оставляло равнодушной. Она понимала, что окружающим вряд ли приятно такое отношение к их потерям, а потому старалась следить за собой. Но вот сегодня не уследила из-за сердечной смуты.

— Дороти, извини, — сказала Ада. — Я просто не успела тебе сказать...

— Ты просто сбежала! — выкрикнула Доротейя. — Потому что я не уронила бы эту супницу, если бы не ты!

— Если бы не я? — удивленно переспросила Ада. — Но как я могла на это воздействовать? Ты была у меня за спиной, и я даже не видела...

— Ты воздействуешь! — В голосе Дороти вспыхнуло такое исступление, что Ада поежилась. — Ты воздействуешь на всех, кто рядом с тобой! Твое настроение, твои мысли...

— Ты глупости говоришь! — Ада наконец рассердилась. — Какой-то «Молот ведьм», честное слово.

— Да, в Средние века тебя сожгли бы на костре!

Выяснять отношения дальше не имело смысла. Доротея, в отличие от нее, явно придавала материальным потерям преувеличенное значение, оттого и разнервничалась так сильно, что понесла околесицу. Ада недавно выучила это русское выражение, нести околесицу, и подумала сейчас именно так.

— Думаю, ты вскоре успокоишься, — сказала она. — И тогда мы поговорим, могу ли я чем-нибудь тебе помочь.

Ада отвернулась и пошла к трамвайной остановке на Рудольфплатц. Но Доротея вовсе не собиралась успокаиваться.

— Я не оставлю тебя в покое, — каким-то зловеще ровным тоном произнесла она. — Я буду тебе напоминать, что ты приносишь несчастье.

— Но зачем?!

Ада остановилась под лисьей мордочкой, нарисованной на вывеске магазина подержанных вещей, и посмотрела на Дороти почти с испугом.

— Ради справедливости, — отчеканила та.

Приглядевшись, Ада поняла, что основания для испуга, может быть, и есть: глаза Дороти сверкали так, что от нее можно было ожидать чего угодно. Странно, что человека привела в такое состояние всего лишь потеря денег, тем более Дороти однажды говорила, что работает только ради карманных расходов. Но люди часто ведут себя странно, и Адино полное равнодушие к потерям не странность ли тоже?..

Дороти вошла вместе с ней в трамвай. Встала рядом на площадке. Когда трамвай спустился под землю, перешла вслед за Адой на другую линию.

— Если бы не ты, я не уронила бы супницу, — все это время громко повторяла она. — Ты расстроила меня перед работой, обидела. И ты остановилась прямо передо мной, поэтому я тоже вынуждена была остановиться слишком резко. Я споткнулась из-за тебя.

От того, что упреки приняли убедительный вид, они звучали еще более абсурдно. Пассажиры погля-

дывали с недоумением. Что делать, было непонятно, не полицию же вызывать и не бежать же. Да если и бежать, Дороти все равно не отстанет.

Через полчаса такого пути Ада почувствовала, что у нее начинает кружиться голова. Это был какой-то гипноз. Она не считала себя податливой к гипнозу, но ведь никогда и не испытывала его воздействия...

«То же у меня случилось утром с Яном. — Эта догадка вдруг встала в ее сознании, пульсируя, как световой сигнал тревоги. — Я вношу в его жизнь смуту, я воздействую на его жизнь, да, это так, Дороти права!».

Ужас охватил ее, он был так же неодолим, как иррационален. К тому моменту, когда Ада вышла из метро на Эбертплатц и пошла к своему дому, все плыло у нее перед глазами и она готова была то ли просить у Доротеи прощения, то ли закрыться у себя в комнате и никогда больше оттуда не выходить.

— Мы должны обсудить все это сейчас. — Доротея вместе с ней остановилась у входной двери

дома. — Ты и сама понимаешь, что это нельзя так оставить, ты должна что-то сделать для меня.

Не отвечая, Ада отперла дверь и, как сомнамбула, стала подниматься по лестнице. Дороти шла за ней.

В квартире было тихо и темно, только из комнаты Яна виднелся голубой отсвет и слышались приглушенные крики. Он смотрел по телевизору какой-то триллер, это был его любимый жанр, а Ада триллеров не любила и однажды даже поняла почему: не могла согласиться с победой зла, в триллерах неотвратимой. Наивность, нет, не наивность — глупость собственных представлений о жизни показала ей сейчас убийственной.

— Где мы можем поговорить? — Доротея расстегнула куртку. — В комнате?

— Но я... — пробормотала Ада.

— Ты сама понимаешь, что должна мне помочь. Ты сама об этом сказала.

Ада молча прошла в кухню. Оцепенение охватило ее, лишив сил что-либо говорить и делать.

Она села на табуретку у стола.

— Ты не можешь просто дать мне денег. — Доротея включила настольную лампу. — Я не вымогательница. Мы должны обсудить, почему так случилось. Это важно.

Вчера Аде понадобилось рассмотреть срок годности на упаковке сыра, она приподняла для этого абажур лампы, и свет бил теперь прямо ей в глаза.

— Ты не должна молчать, — сказала Доротея. — Нам и дальше предстоит работать вместе, мы должны доверять друг другу. Ты должна мне пообещать, что...

— Привет, девчонки, — услышала Ада.

Она повернула голову, увернувшись таким образом от светового удара. Ян стоял на пороге кухни и рассматривал Доротею с обычным своим интересом ко всему, что казалось ему новым.

— Это твой друг? — спросила та.

— Конечно, — заверил Ян. — Еще какой друг.

— Я работаю вместе с Адой, — сказала Доротея.
— И она должна...

— Это я слышал, — перебил ее Ян. — Только ничего она тебе не должна.

С этими словами он прошел к столу, опустил абажур лампы, взял с табуретки куртку, которую Доротея успела снять, другой рукой взял ее под локоть и вывел в прихожую. Открылась входная дверь.

— Если сию минуту сама не уйдешь, с лестницы спущу, — донеслось из прихожей.

Входная дверь закрылась. Ян вернулся в кухню. Подошел к Аде и, взяв ее за плечи, поднял с табуретки.

— Ты что? — Он обнял ее так крепко, что дрожь почти утихла. — Зачем ты слушаешь этот бред? Зачем ты ее вообще впустила?

Она хотела ответить, объяснить, обручи ужаса, сжимавшие ее, начали уже разжиматься... Но вместо слов, вместо объяснений из ее горла вырвались какие-то невнятные звуки и слезы хлынули из глаз.

Это было сродни потере сознания. Когда оно вернулось, Ада обнаружила, что лежит на кровати, одетая, на плече у Яна, окно в комнате открыто, но

он раздет, то есть на нем нет рубашки, и поэтому она чувствует щекой тепло его плеча, и это так странно, что оно у него теплое, ведь в окно вливается ночной февральский холод...

— Сейчас окно закрою, — сказал он. — Ты как мертвая была, ей-богу, я потому открыл. Испугался.

Она не стала спрашивать, почему сам он разделся, открывая окно. Хотел, чтобы она почувствовала его тело без преград. Это было ей так понятно, как если бы Ян сказал об этом вслух. Неизвестно, помогло ли то, что она освоила русский язык с удивительной, как он считал, быстротой и что они стали разговаривать дома по-русски, но Ада теперь понимала его гораздо лучше, чем раньше.

— Я и сама не понимаю, что со мной, — виновато сказала она, когда он снова лег рядом. — Что это со мной было...

— Вообще-то любой человек уязвим перед манипуляторами. — Ян пожал плечами, и ее голова приподнялась вместе с его плечом прямо к его губам. — Но я, честно говоря, думал, к тебе это не относится.

— Я тоже так думала, — вздохнула Ада.

— Не расстраивайся. Просто имей в виду на будущее.

— Что иметь в виду? — не поняла она.

— Что и тебя можно сломать. В случае чего лучше беги, чем дерись.

— Я не могла ни бежать, ни тем более драться, — снова вздохнула Ада. — На меня напало оцепенение. Если бы ты не вмешался, вообще не знаю, чем бы все это закончилось. — И тут же спросила с интересом, который, наверное, свидетельствовал, что она пришла в себя: — Но как ты понял, что случилось между мной и Дороти?

— А я и не понял, — ответил Ян.

— Но как же ты решил, что я не виновата перед ней? — удивилась Ада. — А вдруг она права!

— Да плевать мне, права она или нет. — Он успокаивающе провел ладонью по ее волосам. — Толку ли разбираться? Я всегда буду на твоей стороне. Что бы ты ни сделала.

— Но как же?.. — растерянно проговорила она.

— Да так же. Я тебя люблю, значит, всегда на твоей стороне. А как по-другому?

Она не знала, как по-другому. Не знала, правильно ли то, что он сказал. Но простая сила его слов влилась ей в самое сердце.

— Ты переживаешь, что я эту дуру долбанутую пообещал с лестницы спустить? — спросил Ян. — Ну, типа она женщина, и так нельзя?

Ада вообще не думала сейчас ни о чем подобном. Но не могла сказать ему об этом, потому что боялась расплакаться. Она уже вернулась к себе обычной, то есть почти вернулась, а она обычная не считала возможным нагружать своими чувствами кого бы то ни было.

Слова Дороти «ты воздействуешь на всех, кто рядом с тобой ... твоё настроение, твои мысли» мелькнули в памяти, обдали холодом и необъяснимым ужасом, но Ада постаралась их прогнать и прогнала.

«Ян не кто бы то ни было! — произнесла она со всей ясностью, которая возможна была в безмолвии мыслей. — Я его люблю».

— Вообще-то нехорошо, конечно, — сказал он. — Но знаешь, моя мать однажды прогнала одну девку шваброй. Просто взяла швабру и сказала: еще раз сюда придешь — прибую.

— Но почему? — изумленно спросила Ада. — И какую... девку?

— Да в меня одна влюбилась. То есть мать считала, что просто женить на себе хотела, но может и правда влюбилась. У подъезда меня караулила, плакала. Это в Рязани было. Я тогда только из армии пришел. Вообще не знал, что делать, растерялся слегка.

— А мама твоя не растерялась! — засмеялась Ада.

— Ну да. — Он улыбнулся. — Та явилась, когда меня дома не было, стала в квартиру стучаться, говорить, что яду выпьет, еще чушь какую-то. Мать к ней со шваброй и вышла.

— И что потом?

— Да ничего. В Германию уехал. Это давно вообще-то было. Но, видимо, я запомнил такой вариант реакции. Или он у меня в гены врезан, может.

Тут ему наконец надоело вести разговоры, лежа полуголым в кровати, он запустил руку Аде под свитер, она почувствовала у себя на груди его нетерпеливое прикосновение, и ей тоже стали неважны слова.

Но тот вечер врезался в память так, что изменил ее жизнь.